

ЛитРес:

Наталья Лирник

ЗАБЫТЫЕ КРЫЛЬЯ

Наталья Лирник
Забытые крылья
Серия «Исцеляющая проза», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64924527
Забытые крылья: Якуз; Москва; 2022
ISBN 978-5-535-00157-9, 978-5-00155-452-3

Аннотация

Исчезновение жениха незадолго до свадьбы кого угодно выбьет из колеи. Но Наташа не привыкла сдаваться и унывать. И, пока Максима ищет полиция, она едет примерять свадебное платье, веря в счастливое будущее.

Светлане уже за сорок, но в ее жизни не осталось ничего, ради чего хочется по утрам вставать с постели. Она уезжает от мужа-иностранца, приводит в порядок старый семейный дом и устраивает в нем пансионат для одаренных детей. Но вскоре Света начинает понимать, что и этот проект ее больше не спасает.

Надя уже двадцать лет не видела маму – и вот наконец встреча состоится. Но много ли радости это ей принесет? Надин брак трещит по швам, а жизнь подкидывает одно испытание за другим. И вроде счастье совсем близко – только руку протяни. Но хватит ли у нее смелости?

Три женщины, три непростые жизни, три выбора между реальностью и фантазией, независимостью и узами законного

брака. Какую дорогу они выберут? Что готовы принести в жертву своему счастью? И куда, в самом деле, исчез жених?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	87
Глава 9	94
Глава 10	99
Глава 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Наталья Лирник

Забывтые крылья

© Лирник Н., 2020

© ООО «ЛитРес», 2022

© ООО «Яуза-каталог», 2022

* * *

*Посвящаю эту книгу всем, кто идет вперед,
даже когда путь неясен и страшен*

*Одно решение изменяет всю вашу реальность.
Но это решение вам придется принимать снова и
снова.*

Экхарт Толле

Глава 1

Можно много месяцев ждать звонка с одной-единственной пугающей фразой и все равно оказаться не готовой.

– Нам пора что-то решить с разводом, Света.

Она смотрела на Пьера через камеру ноу тбука и слегка морщилась от слышного только ей пронзительного звона, бьющего изнутри в правый висок. «А чего я, собственно, ждала? Все логично. Даже странно, что он так долго тянул. Видимо, в новой должности стал более осторожным». На муже была неизменная белая рубашка, рукава, по обыкновению, закатаны, браслет часов гармонирует с тонкой оправой дорогих очков, волнистые, темные с проседью волосы зачесаны назад.

– Не пойму, где ты находишься, – ответила она невпопад, и он нахмурился.

– Это виртуальный фон, так, по привычке. Я дома, в Брюсселе. Но ты не ответила.

– Да, наверно. Я как-то не думала о разводе, – легко соврала она. – А тебе нужно срочно?

Они говорили по-французски, как обычно, когда рядом не было гостей, не владеющих этим языком. «Интересно, если бы мы общались по-русски, может, развелись бы лет на десять раньше?» – От мерзкого тонкого звона в голове мысли разлетались, как мелкие мошки.

Света как-то слышала, что, разговаривая на другом языке, человек незаметно для себя самого немного меняется. И чувствовала, что в ее случае это правда: голос становился более высоким, интонации – певучими, даже жестикация менялась. Ее франкоязычная личность была спокойнее, легче и женственнее, чем русская, – в общем, лучше подходила для счастливого брака с иностранцем. И хотя почти за пятнадцать лет совместной жизни Пьер неплохо научился разбирать русскую речь, щебечущий французский оставался их основным языком.

– Я бы хотел все решить достаточно быстро, до конца года. У меня есть определенные личные планы.

По лицу Пьера невозможно было ничего прочесть. Многолетний опыт переговоров делал его сложным собеседником. «Ему бы в покер играть, но нет... Рисковать деньгами – это не для Пьера».

Света изо всех сил держала лицо. Нельзя показывать, какую боль причиняет ей этот разговор. Негативные эмоции нужно держать в узде, если вырвутся – разнесут все вокруг, как ураган.

– Понимаю. Тебя можно поздравить?

На самом деле ее это не слишком волновало. То, что она, кажется, вот-вот станет разведенкой в возрасте за сорок, гораздо важнее. Просто было интересно, кого Пьер выбрал взамен пришедшей в негодность русской жены: бельгийку, француженку? Совсем молоденькую девочку, с которой нач-

нет все сначала, или, наоборот, зрелую женщину, которая, свалив с плеч основной груз биографии, теперь хочет пожить для себя?

– Света, – он болезненно поморщился, – поздравления здесь совершенно неуместны. Мне все это непросто дается. Я в очень сложной ситуации на работе. Мне трудно объяснить, почему моя супруга вдруг уехала. Многие помнят тот случай на банкете и намекают, что понимают причины...

Отражения ламп и свечей в дорогой посуде, поблескивающий жаккард белых скатертей, пестрые пятна стоящих в вазах букетов, звон разбитого стекла и кровь на кончиках пальцев. Мамины возмущенные глаза и брезгливая гримаса. Ожесточенное лицо Пьера. Этот смонтированный беспокойным мозгом короткий клип из своей прошлой жизни Света пересматривала бесчисленное количество раз. Потом удаляющийся стук маминых каблучков, сухой шорох белой льняной салфетки, разноязычное бормотание вокруг, чья-то сильная ладонь на затылке, боль в ушибленном локте и хирургически нейтральное прикосновение холодного стекла к губам. «Да, тогда действительно вышло неловко», – подумала она и попыталась вновь сосредоточиться на Пьере, который смотрел на нее строго и устало.

Он поставил локти на стол, переплел длинные пальцы, как часто делал на переговорах, и, слегка вздохнув, заговорил с доверительной интонацией:

– Пойми, я хочу, чтобы все прошло быстро и цивилизо-

ванно. У меня по французским законам есть минимум две причины подать в суд прошение о разводе, но я не хочу этого делать. Мы можем все решить мирно, не привлекая адвокатов.

– Две причины? Это интересно...

Она откинулась на спинку стула, на котором сидела в своем подмосковном родовом гнезде, и теперь смотрела как-то вбок, мимо камеры. Пьера это нервировало: контролировать партнера, который находится за две с половиной тысячи километров, всегда непросто. А если это женщина, неуправляемая русская женщина... Пьер набрал воздуха в легкие и, нахмурившись, продолжил с нарастающим напором:

– По законам страны, в которой мы женились, твое отсутствие дома – уже повод для развода. А если добавить твою проблему...

– Ты меня шантажируешь? – враждебно произнесла она.

«Интересно, когда у меня впервые возникло чувство, что я замужем за собственной матерью? – попыталась вспомнить Света. – Он ведь реально ее словами разговаривает».

– Не надо передергивать, Светлана. Я просто описываю ситуацию со всех сторон, – теперь Пьер говорил медленно и успокаивающе.

«Как с больной». – Света опять поморщилась.

Тонкий стук в висок становился все звонче. Она перевела взгляд за окно. Старый сад, обласканный июньским солнцем, подрагивал листвой в ажурных рамках белых перепле-

тов. Уютные дачные звуки: шуршание покрывок медленно ползущей по поселку машины, топот детских ног, стук мяча, птичий щебет и размеренное дыхание деревянного дома – обступали со всех сторон, обещая безмятежность и покой. Только раскрытый на столе тонкий серебристый ноутбук казался агрессивной пастью, из которой исходила опасность.

Пьер, чтобы привлечь ее внимание, помахал холеной кистью перед камерой:

– Ау, ты слушаешь? – И, дождавшись кивка, продолжил: – Светлана, я ценю и уважаю тебя. Наш брак не был простым, но, надеюсь, расстаться мы сможем цивилизованно. Но да, я должен предупредить, что на крайний случай у меня есть несколько свидетелей, которые могут описать твою проблему и ее проявления. И это будет достаточно веским аргументом для суда.

– Жаль, что у меня есть только один свидетель, который видел, как ты поступал со мной... И я никогда не смогу привести его в суд, как ты прекрасно знаешь. – Она видела, что невозможность установить визуальный контакт нервнрует мужа, и специально дразнила его, шаря взглядом по периметру экрана и иногда переводя его за окно.

– Света, мы оба были тогда... – От напряжения броня Пьера дала наконец трещину, и его тонкое лицо болезненно исказилось.

«Типичный благовоспитанный европеец, а ведь поди ж ты, и его довела», – подумала Света и, сделав над собой уси-

лие, снова стала слушать мужа.

– Это были худшие моменты нашего брака. Но ведь были и другие, вспомни! Мы были счастливы.

«Интересно, какие моменты он вспоминает», – попыталась угадать Света. Медовый месяц, соленые поцелуи на тропическом пляже, горячая, даже ночью будто нагретая солнцем кожа, спутанные волосы и ощущение жажды, которую никак не утолить? Их долгие парижские прогулки, одинаковые песочные плащи, бледнеющая в вечерних сумерках листва осенних лип, его рука на ее плече, она смотрит на его горбоносый профиль, плывущий поверх серых фасадов, и блики от фонарей тают на стеклах его очков? А может, безудержные танцы в московских клубах тогда, давным-давно, в самом начале их истории – тугие джинсы, обнаженная полоска кожи на плоском животе, грохочущий ритм, попытки докричаться друг до друга в мельтешащей звуками и обрывками образов темной преисподней?

– Ты чудесная женщина, у тебя есть дар... жизни, в тебе столько энергии, силы. – С нынешним, начинающим стареть Пьером, с его жесткими складками в углах рта и каким-то безнадежно усталым взглядом картины из прошлого никак не сочетались. – Я глубоко уважаю твою семью и, конечно, не хочу делать ничего, что повредит твоей репутации и расстроит твоих родных.

Пьеру не хотелось прямо говорить, что на кону стоит его карьера, но Светлана – умная женщина и наверняка понима-

ет, насколько важно, чтобы развод прошел мирно. Пора заставить ее заговорить.

– Я волнуюсь за тебя, Светлана. Кстати, ты что-то делаешь, чтобы избавиться от своей проблемы?

– А мне это не нужно. – Она усмехнулась жестко. – Здесь, в России, у меня все замечательно. Рядом друзья, у меня есть интересное дело, и все идет своим чередом.

– А твои родители? Отец уже знает, что с тобой происходит?

– А, так вот какой у тебя был коварный план. – Теперь Светлана, язвительно улыбаясь, смотрела мужу прямо в глаза. – Ты хотел, чтобы мама известила отца и он начал меня воспитывать? Извини, так не вышло.

– Ничего подобного! Света, ну зачем ты так. – Пьер сокрушенно покачал головой и снова добавил в голос тепла и заботы, отчаянно стараясь не переиграть: – Просто я надеялся, что профессор подключит свои связи и как-то поможет тебе. Все-таки ты открыла учреждение для детей, и если власти узнают, что ты страдаешь...

– Так, стоп. Пьер, я тебя поняла. Ты хочешь развестись. Я не против. Что для этого нужно? – Пронзительный стук в правом виске вдруг стих, и Света испытала облегчение, которого совсем не ждала.

– Очень хорошо, Светлана. Очень хорошо, – по-французски это *très bien* звучало так легко, воздушно... И удивительно удачно сочеталось с ошеломленной гримасой Пьера, кото-

рый вдруг начал говорить очень быстро, поглаживая воздух перед собой мелкими движениями пальцев. – У меня есть проект соглашения, в котором оговорены все условия. Я надеюсь, они тебя устроят. Мы сможем обсудить все детали, и потом это нужно будет просто подписать у нотариуса. Тебе, конечно, потребуется приехать во Францию, это лучше делать там...

– Да, очень хорошо, – подхватила она. – Пьер, я все поняла. Присылай бумаги, я все изучу и отвечу.

Светлана скрестила руки на груди и теперь смотрела в камеру спокойно и серьезно. Ей был неприятен вид растерянного мужа, но, в конце концов, его можно понять. В его глазах Света давно уже превратилась в мину замедленного действия. Она не собиралась устраивать сцен.

– Я хотел бы закончить этот процесс до Рождества, если ты не против. – Произнести эту фразу с достоинством было непросто, но Пьер справился. – Если мы обо всем договоримся, на формальности уйдет совсем немного времени. Ты сможешь прилететь в Париж, когда в твоём пансионе закончится учебный сезон?

– Возможно. Но сначала давай обсудим детали.

Закончив разговор, Светлана выключила «Скайп» и закрыла глаза. Значит, развод.

Еще неделю назад она всерьез обдумывала возможность примирения с мужем и прикидывала, как можно было бы жить на две страны, поддерживая и брак с сильно продви-

нувшись в карьере Пьером, и свой российский пансион для художественно одаренных детей. С практической точки зрения этот пансион был безделицей, плодом мимолетной фантазии, она взялась за него от безысходности – но внезапно получила то, чего ей так не хватало. Чужие дети, поселившиеся в старом фамильном доме Зарницких, легко заполнили сосущую темноту в душе, с которой Света никак не могла справиться в Брюсселе. К тому же рядом была Надя – подруга детства, родная душа и верный соратник, с которой можно и помолчать, и поболтать, и решить насущные бытовые вопросы.

В просторном, почти вековом деревянном доме с огромными окнами, заново отремонтированном и наполненном затейливой коллекцией старых и новых вещей, озвученном детскими голосами, пропахшем старым деревом, книгами, красками, пирогами и влажноватой свежестью подмосковного воздуха, было все, что ей нужно для счастья. Дом, как корабль, плыл по волнам времени, не принадлежа ни прошлому, ни будущему, и Света качалась в его объятиях, старательно игнорируя вопрос, который с суетливым упорством яркого пустотелого поплавка подпрыгивал на поверхности мыслей: что дальше?

Ее планы были накрепко связаны с Пьером с юности – и, как долго казалось им обоим, навсегда. Привлекательный французский бизнесмен, за которого она вышла после нескольких неудачных романов с русскими парнями, все-

гда был успешен в делах. У них все шло именно так, как планировалось с самого начала, даже немного лучше. Они жили в достатке, много путешествовали и общались с такими же обеспеченными, воспитанными и образованными людьми. Будущее обещало быть предсказуемым, благополучным, безмятежным. А все стало еще лучше: искусно поддерживающий сеть нужных социальных связей Пьер получил должность еврочиновника средней руки, о которой мечтают многие люди его круга. Они перебрались в Бельгию и поселились в фешенебельном столичном пригороде Ватерлоо, на четверть населенном успешными экспатами, работающими в Брюсселе. Дела шли в гору. Пьер отказывался видеть в истории городка ассоциации, от которых у Светланы нервно кривились губы.

– Последняя битва, да?

– Света, я тебя умоляю. Мы живем не в романе Толстого, перестань везде искать аллюзии!

Его очень раздражала эта внезапно проявившаяся в жене склонность к мелодраме. На пороге пятого десятка всегда такая элегантная и воспитанная Светлана вдруг загрустила, потом начала тосковать и периодически вела себя так, что у Пьера холодело в животе от мысли, что он связан с этой женщиной крепко и навсегда. Она хотела перемен. Причем, что типично для русских, сама не понимала, каких именно. После нескольких неприятных эпизодов во Франции он уже всерьез волновался за свою репутацию и карьеру. Предло-

жение о работе в одной из бизнес-комиссий Европарламента подвернулось очень вовремя. Оно сулило и лучшую из возможных деловых перспектив и переезд в Бельгию, который мог стать новой вехой в их семейной жизни.

Пьер отыскал небольшой книжный магазин, владельцу которого нужен был грамотный управляющий, и решил, что эта работа станет идеальной игрушкой для Светы. Но ни новый дом, ни новое занятие, так хорошо подходившее к ее талантам и вкусам, не смогли потушить поселившийся в темных глазах огонек лихорадочной тревоги.

– Разве ты не чувствуешь, как уходит время? – снова и снова спрашивала она мужа. – Как песок сквозь пальцы. И ничего не остается, кроме сухой тонкой пыли на ладонях.

Пьер пожимал плечами и оглядывал элегантную гостиную их брюссельского дома, свой поджарый торс, дорогую одежду жены. Нет, он ничего такого не чувствовал. Пока однажды не увидел в этой самой гостиной то, о чем хотел бы забыть навсегда.

Сбежав из Брюсселя в старый семейный дом в подмосковном Кратово, Света убедилась, что проблема не в стране, не в муже и даже не в молодом мальчике с горячими руками, который стал только поводом, сигналом, символом. Проблема – в ней самой. Ей было страшно превращаться из женщины, у которой еще хотя бы теоретически многое впереди, в ту, которая может лишь наблюдать за взрослением чужих детей, появлением внуков, за увяданием собственной красо-

ты и силы, не имея впереди ничего, кроме долгих лет обеспеченного безделья.

– Никому не нужная старая баба, – говорила она своему отражению в зеркале, сурово подмечая каждую новую морщинку, тень под глазами, серебристую нить в огненно-черной когда-то шевелюре. Все эти приметы возраста не пугали бы так сильно, если бы жизнь сложилась иначе. Если бы она была хоть кому-нибудь нужна...

Приключение с Филипом как будто давало надежду – он нуждался в ней, да еще как! Но Света прочла слишком много французской классики, чтобы не видеть в их связи классического сюжета: молодой человек обретает нежный опыт в объятиях зрелой женщины. Герои Стендаля и Бальзака получали в виде бонуса от такой связи билет в светское общество. Бедняга Филип не получил и этого: после бурной сцены его со всех точек зрения необычная возлюбленная уехала в свою далекую страну, а в уютном книжном магазинчике, где они познакомились, снова воцарился неопрятный мрачный старикан. Филип еще долго писал ей страстные письма, даже был готов приехать и поселиться в Подмосковье. Света не ожидала такой упорной осады и улыбалась, представляя столкновение изнеженного юного европейца с пестрой реальностью своей родины. И отвечала одним и тем же набором слов – Филип даже думал, что она просто копирует их из письма в письмо: «Между нами все кончено, займись своей жизнью». Примерно через полгода Филип наконец пе-

рестал писать. А она решила, что пришла пора повзрослеть и ей самой.

Прежде всего нужно было признать, что попытка защититься от прозы обычной биографии провалилась. Света честно вышла замуж за иностранца, уехала из родной страны, прожила долгую интересную жизнь, свободную от проблем, слишком хорошо знакомых ее сверстницам. Но когда ей перевалило за сорок, Свету внезапно настиг совершенно неуместный вопрос о смысле жизни – ее конкретной жизни, в которой нет ни детей, ни карьеры, ни какого-то большого, важного дела, которое наполняло бы каждый день. Она очень старалась «не усложнять», как просил Пьер, и просто радовалась тому, что есть. Копалась в своих мотивах, ценностях и детских травмах на сеансах у дорогого психоаналитика. Пыталась увлечься то фотографией, то рисованием, то музыкой, танцевала, занималась йогой и до изнеможения плавала в бассейне. Тщетно. Проклятая тоска никуда не девалась.

За долгие месяцы, которые она прожила без Пьера в России, ей так и не удалось соскучиться по мужу. Но к ней вернулась способность здраво рассуждать, и она планировала по окончании сезона в пансионе возвращаться в Брюссель и восстанавливать свой пошатнувшийся брак. Она больше не боялась встретиться с Филипом: накрепко связавшее их напряжение страсти благодаря разлуке ослабло, и она была уверена, что справится с искушением. Пьеру на его должно-

сти жена необходима как минимум для представительских целей. Они прекрасно ладят, понимают друг друга с полуслова, и нет никаких причин в их-то возрасте все рушить и начинать заново. А если удастся сохранить этот детский летний пансион и приезжать в Россию на несколько месяцев в году – жизнь устроится просто идеально. И с проблемой, о которой так настойчиво говорил сегодня Пьер, она разберется. Какие связи, какое лечение? Это все глупости. Она прекрасно контролирует ситуацию.

И вдруг... Сообщение от Пьера ей сразу не понравилось – уж слишком неурочный был час, не подходящий ни для дел, ни для любви. Что могло заставить его оторваться от медлительных удовольствий летнего субботнего утра и написать жене: «Давай встретимся в скайпе через пять минут»? Включая ноутбук и запуская программу, Света заметила, что руки дрожат. Интуиция редко ее подводила.

Итак, никакого совместного будущего у них больше нет. Возвращаться ей не к кому и некуда. Планы на старость рухнули. И начинать все заново, похоже, все-таки придется. А может, поговорить с ним еще раз? Уговорить передумать? Дать их браку еще один шанс? Она передернула широкими плечами – от этих мыслей ей вдруг стало зябко в прогретой летним солнцем уютной комнате. Нет, невозможно. После всего, что было... Нет.

Любопытно, что скажет мама... Хотя с этим как раз все ясно. Света сама могла написать ее речь на эту тему, слово

В СЛОВО:

– Раз уж ты не обладаешь талантом и не родила Пьеру детей, то по крайней мере могла быть ему хорошей женой! Он этого заслуживает, он дал тебе хорошую жизнь, Света. – Она, не открывая глаз, слегка двигала губами и бровями, передразнивая мать, которую не видела с того самого инцидента на приеме в Брюсселе.

Отец сначала, конечно, расстроится, но по большому счету ему все равно. Филип, наверно, был бы рад, но он не узнает. Во всяком случае, не от нее. Светлана мысленно перебирала всех, кто так или иначе будет реагировать на их с Пьером развод, но в конце концов сказала себе слова, которых так боялась: «Значит, времени у меня до конца лета... А дальше пустота...»

В дверь легко и быстро стукнули, и в ответ на Светино «да» в приоткрывшуюся щель просунулась светлая стриженная голова Нади:

– Свет, ты освободилась? У нас там проблема. Требуется твое квалифицированное вмешательство. – Надя была поглощена своими переживаниями и не заметила безрадостного лица подруги.

– Иду. – Света встала, разминая одеревеневшее от напряжения тело, и двинулась к выходу из комнаты.

– Представь, явился следователь, а Вадим вдруг начал ревновать. Надо как-то регулировать, а то прямо неловко... – быстрым полусшепотом объяснила ей Надя и, пропу-

стив Светлану вперед, с облегчением выдохнула.
Света разберется.

Глава 2

Они уже минут пять молча шли по прогретой летним солнцем тропинке, когда Надя решилась задать мучивший ее вопрос.

– Почему вы тогда меня отпустили? – спросила она, требовательно заглядывая в лицо Прохорова.

«Как ребенок, – подумал он. – Смелый, хрупкий ребенок».

– Потому что ваш арест не соответствовал бы моим представлениям о справедливости. – Он говорил серьезно, но шурился так, будто шутил.

– Но вы рисковали. У вас могли быть неприятности. Почему?

– Потому что я решил рискнуть. – Прохоров наклонился и, сорвав высокую травинку, принялся методично срывать с нее новорожденные, пропитанные жизненными соками острые листики.

Надя молча шла рядом и разглядывала его, стараясь делать это не слишком заметно. Высокий, подтянутый, светло-волосый, он, кажется, каждое движение мог бы сделать шире и размашистее, но сдерживал свою энергию. Незамысловато одет и аккуратно пострижен – все словно по какому-то давнему примелькавшемуся шаблону. Типичный сильный мужик. Человек из другого мира. Интересно, наверно, у них там в

полицейских таких большинство? Интересно, почему Лешка так сильно увлекся этой грубой средой, ведь он вырос в совершенно других условиях. Из семьи художников – в полицию! Он и физически совсем другой: невысокий, хрупкий, хоть и жилистый...

– Надя, а ведь у меня к вам на самом деле служебный вопрос. – Прохоров щелчком сбросил травинку на землю и снова посмотрел на собеседницу.

– Ко мне? – Надя резко остановилась, и в этом движении прорвалась вся ее нервозность, копившаяся с первой минуты появления Прохорова в Кратово.

– Да. Я просто решил задать его в частном порядке, для того и приехал. Не вызывать же вас в отделение, повод не такой уж серьезный.

– Павел...

– Михайлович, – подсказал следователь. – Но пока мы с вами здесь, на природе, можно просто Павел.

– Хорошо, Павел. Задавайте ваш вопрос.

– Надя, я прошу вас вспомнить, не общались ли вы в последние три месяца с человеком по имени Максим Воронцов.

– Нет, совершенно точно не общалась, – быстро и уверенно ответила Надя. – А кто это?

– Давайте пойдем, мы же шли с вами к станции. – Прохоров снова двинулся вперед, продолжая говорить в такт размеренному шагу. – У нас намечается дело об исчезновении

бизнесмена Максима Воронцова. Его невеста сообщила, что вы с ним общались и, наверно, сохранили визитку.

– Невеста?

– Ее зовут Наталья Набокова, она работает в вашей страховой компании.

– Наташа? – Надя хмыкнула. – Я и не знала, что она собралась замуж. Мы не очень близки... Но почему она говорит, что я общалась с ее женихом? Она нас точно не знакомила.

– Она говорит, что весной этого года, в марте, вы с Воронцовым разговаривали в кафе и он дал вам визитку, которую вы унесли с собой. – Прохоров говорил расслабленно и спокойно: он не любил давить на людей без нужды. И сейчас, зная, что Надя не врет, позволил себе просто говорить и любоваться мельканием бликов от длинных сережек на ее тонкой открытой шее.

– Максим Воронцов... Максим Воронцов... – повторяла она задумчиво. – Знаете, это ведь вообще не в моих правилах – разговаривать с мужчинами в кафе и тем более брать у них визитки. Но я правда не помню. И совершенно точно не общалась ни с каким Максимом Воронцовым. А что с ним случилось?

– Мы пока не знаем, случилось ли с ним что-то. Просто девушка нервничает. У них назначена свадьба, и вдруг жених куда-то исчезает. Не звонит, не пишет, не отвечает на сообщения. Наталья подала заявление об исчезновении. Вот мы и проверяем. Ищем любые зацепки. И заявительница вспом-

нила, как весной Воронцов подходил к вам в кафе и оставил визитку.

– Это очень странно. Я обещаю, что постараюсь вспомнить. Да?

– Да, конечно. Позвоните мне, пожалуйста, когда вспомните, – Прохоров с улыбкой протянул Надя картонный прямоугольник визитки и добавил: – Или просто если вам захочется мне позвонить.

И, не дав Наде возможности ответить, взмахнул рукой, развернулся и стремительно пошел к станции.

* * *

«Не позвонит она, нечего и надеяться, – сказал себе Прохоров, сидя в шумливо тянущейся к Москве электричке. – Ну разве что правда сохранила эту визитку и найдет. Тогда позвонит, потому что обещала. И что дальше?.. А ничего. У нее муж. Она с ним всю жизнь прожила. Значит, ее все устраивает... Надо все-таки купить машину. Ненормально это, что меня женщина до электрички провожает – как ребенка. Или старика». Прохоров невесело хмыкнул, pokrutil головой, то ли отгоняя ненужные мысли, то ли разминая шею, и погрузился в чтение загруженной на мобильный книги.

Пестрая, хрустящая даже на вид редиска и щетинистые пучки зеленого лука на базарчике у станции манили дачников первыми летними радостями, но Надя не захватила с собой кошелька. Приезд Прохорова застал ее врасплох, и, выходя из дома, чтобы проводить гостя до станции, она не могла думать ни о чем, кроме того, зачем же он на самом деле нагрязнул сегодня в Кратово. Почти три месяца прошло с их последней встречи. Тогда вместо того, чтобы арестовать ее за воровство, в котором она призналась, следователь подсунил похищенный ею предмет в кабинет владельца – и скрылся, не сказав Наде ни слова. После того эпизода жизнь Нади начала меняться так резко, что она даже не нашла времени подумать над мотивами Прохорова. Точнее, думала она об этом часто, но ответа не находила, а связаться с ним и спросить не решалась. Все думала, что прояснить это нужно, но не сейчас – когда-нибудь потом, успеется. Будто боялась чего-то.

Насколько сильным был ее страх, стало ясно сегодня, когда следователь возник на дорожке у ворот дома, в котором она теперь жила и работала. Конечно, все сложилось максимально неудобно. Как назло, именно сегодня в Кратово приехали и наполовину брошенный Надей муж Вадим, который немедленно принялся открыто ревновать жену к спортивному блондину, и даже сын с подружкой, которые вообще при-

езжали очень редко. И появился Прохоров как раз когда воспитанники загородного пансиона требовали максимального внимания – только вернувшись с пленэра, они так и норовили всюду разбросать свои художественные принадлежности, переругаться из-за того, кто куда вешает мокрые после купания плавки и полотенца, и сесть за стол с невымытыми руками.

Впрочем, царившая в доме суэта очень кстати отвлекла внимание от Надиного едва скрываемого напряжения. Ей понадобилось время, чтобы убедить себя: Прохоров приехал не для того, чтобы дать ход старому делу. Но зачем? Не ужели чтобы приударить за бывшей подозреваемой? Хозяйка маленького пансиона Светлана была уверена, что весной Прохоров отпустил Надю из-за романтического интереса. Но Надя спорила:

– Если бы я ему была интересна как женщина, он дал бы понять. Ну не знаю, позвонил бы, назначил бы свидание. А он просто исчез. Скорее всего, он тогда просто не захотел портить жизнь Лешке. Представь, что было бы, если бы у студента-юриста, проходящего практику в отделении, мать посадили за кражу!

Света не очень верила в эту версию, но крыть было нечем: Прохоров и правда не показывался с весны.

Вадим, сначала приписавший появление незнакомого мужика Светиным чарам, быстро понял, что ошибся. Представленный ему Павел Прохоров, почти ровесник, оказывается, руководил практикой сына в полиции. Значит, это тот самый

субъект, который в марте чуть не посадил в тюрьму его жену. «Хренов благодетель, приехал за своим трофеем», – мысленно чертыхнулся Невельской. И Надя, увидев реакцию мужа, побежала к Светлане за помощью.

Хозяйка дома с непринужденностью светской львицы развеяла легкой беседой загустившую дачный воздух неловкость. Она усадила Прохорова в гостиной, начала задавать вопросы, предполагающие только приятные ответы, и всячески поощряла Лешу рассказывать о замечательных качествах своего старшего коллеги.

– Какой у вас прекрасный рояль, – отметил Прохоров, когда обстановка окончательно оттаяла.

– Моя мама много лет пела в театре Станиславского и Немировича-Данченко, – ответила Светлана. – Она здесь часто репетировала. А вы играете?

– Немного. У меня мама всю жизнь преподавала в музыкальной школе и была концертмейстером, – сказал он, осторожно касаясь старой глянцевой крышки инструмента.

Надя взглянула на него с интересом, а Вадим резко отвернулся, чтобы скрыть неприязненную гримасу, с которой не сумел справиться.

– Но сами вы пошли в полицию? – В Светином тоне не было снобизма, с которым Прохоров часто сталкивался, и он ответил спокойно и просто:

– Да, у меня отец погиб при исполнении, когда мне было четыре года. Мама на всю жизнь осталась вдовой, а я в юно-

сти был романтиком.

Потом кормили воспитанников, обедали сами, обсуждали планы на лето... Когда турбулентность окончательно улеглась и все успешно сделали вид, что появление Павла Прохорова на незнакомой ему даче – самое обычное дело, гость вознамерился идти на станцию, а Надя вызвалась его проводить.

– Приезжайте к нам запросто, – сказала на прощание Света и по укоренившейся европейской привычке протянула Прохорову руку для пожатия. – Лето впереди длинное, а у нас тут хорошо!

И она с гордостью оглянулась на дом и сад, в которые вложила столько сил и которые явно понравились внезапному гостю.

* * *

Вадим ждал возвращения жены, сидя на старом кожаном диване в гостиной. В самом деле, не дежурить же у калитки, поджидая, пока она покажется на дорожке от станции! Под его небольшой, мужественной лепки рукой лежал гляцевый журнал, который он не открывал до Надиного появления.

Она вошла, улыбаясь, – светлая, хрупкая, со слегка отстраненной улыбкой. Непривычные, очень красившие ее длинные серьги с дымно-серыми кристаллами покачивались, перекликаясь с оттенком Надиных глаз. В Москве На-

дя вообще не носила украшений, тем более – дешевой бижутерии. И платьев у нее не было, все костюмы да джинсы. Она изменилась, и это действовало ему на нервы. В ее образе, жестах, даже в манере говорить словно проступила та девочка, с которой они в художественной школе стояли за соседними мольбертами. Присущее ей сочетание внешней хрупкости и внутренней силы снова качнулось в сторону женственности, почти забытой за годы брака. И сейчас эта женственность была уверенной и зрелой, лишаящей его ощущения власти над ситуацией.

«Что у них там произошло, по дороге к станции?» – подумал Вадим и прервал сам себя, обращаясь к жене:

– Как прошла? Не устала?

– Нет, спасибо, все хорошо, – любезно отозвалась она.

«Отлично, значит, продолжаем беседовать, как в светской гостиной», – отметил он ее невыразительную интонацию.

– Надюша, я хотел тебе показать кое-что. Вот, смотри, на сорок шестой странице. – Вадим протянул журнал, пристально глядя в лицо жены.

Она заинтересованно вскинула брови:

– Ты теперь читаешь женский глянец? – И, прошуршав страницами, охнула: – Вот это да!

Вадим засиял.

– Галерея заказала интервью к открытию выставки. Они уверены, что будет успех, вкладываются в раскрутку.

– Как здорово! Свет! Света! – Надя звонким голосом за-

ла подругу, но ответа не было – видимо, та была занята с воспитанниками.

– Да ничего, я же оставлю журнал, потом покажешь. Скажи, ты ведь придешь на вернисаж?

– Ну разумеется, приду, что за вопрос, – улыбнулась Надя. – Я так рада за тебя, Вадька. Ты столько лет этого ждал. И ты заслужил.

– Ты тоже ждала, и ты тоже заслужила, – проговорил он, глядя на нее с каким-то пытливым и торжественным выражением лица, словно ждал все новых комплиментов.

– Но все же это твой успех, Вадим, – жена отвергла предложенную игру, и он, задетый ее ровным тоном, резко свернул с колеи благовоспитанной светской беседы:

– Слушай, а зачем все-таки приезжал этот качок?

От изумления у Нади смешно приоткрылся рот:

– Вадь, ты что, ревнуешь?

– Я еще не сошел с ума ревновать свою жену к какому-то мужлану из силовых органов, – холодно усмехнулся Вадим. – Но трудно не заметить, как все ему удивились. А ты зачем-то пошла провожать его на станцию.

– Он приезжал со мной поговорить. – Надя слегка порозовела от усилий сдержать прорывающийся смех: она не помнила, когда в последний раз муж выглядел таким нелепым, злым и неожиданно молодым. – Там кто-то дал показания, что я знакома с человеком, который пропал.

Вадим мгновенно посерьезнел и, сложив на груди руки,

наклонил вперед упрямый лоб:

– Это еще что за история?

– Одна наша сотрудница собралась замуж, а ее жених пропал. И она зачем-то сказала Прохорову, что видела, как я брала у него визитку.

– Та-а-ак... Ты брала у него визитку? – Вадим высоко вздернул свои выразительные темные брови, и Надя внезапно разозлилась.

– Знаешь что? Прохоров меня спас, когда я разгребала твои проблемы. И я ему за это очень благодарна. А сегодня он не поленился приехать за город, чтобы задать мне вопросы в неформальной обстановке, а не вызывать меня в отделение. Это с его стороны очень любезно. Не понимаю, почему ты называешь его мужланом. И, пожалуйста, оставь свой прокурорский тон для каких-нибудь более подходящих случаев. – Она, сама не замечая, повысила голос и размахивала руками, как будто пытаешься создать между собой и мужем преграду из мельтешащих в воздухе ладоней и пальцев.

Вадим собрался было ответить, но вместо этого глубоко вдохнул, потом медленно и шумно, картинно вздрагивая крыльями носа, выпустил воздух и тихо произнес:

– Так, хорошо. Нам обоим надо успокоиться. Надя, знаешь что? Ты давно не была дома. Давай поедем прямо сейчас. Леша с Машей ждут, им это будет полезно.

– Интересно все-таки, как твоя мама вот так взяла и уехала из дома. Работу поменяла. – Маша лежала на большом старом диване, заново обтянутом плотной тканью цвета индиго, и говорила медленно и задумчиво.

Леша, на коленях которого покоилась ее пышноволосяя голова, ничего не ответил.

– Леш? – Маша помахала рукой перед его носом.

– А? Ну да. Уехала и уехала, – рассеянно отозвался он.

– Я вот пытаюсь представить, что моя мама сделала бы что-то подобное, – она выдержала паузу, – и у меня не получается... У нас в семье такого просто не может быть, понимаешь?

– Ну и хорошо, – рассеянно откликнулся Леша, наблюдая, как в саду за окном мелькает белая рубашка Светланы. Она всегда носила белые рубашки, которые так чудесно оттеняли смугло-персиковую кожу и черные, как сорочьи перья, волосы. Даже в саду она была в белом.

«Аристократические замашки, сразу видно, дочь академика и оперной дивы», – подкалывала подругу Надя. «Ой, да брось, я просто люблю белый... А мама его, кстати, не носит почти никогда», – отмахивалась Света. Оперная певица Любовь Николаевна Зарницкая действительно надевала белое только на сцене, когда этого требовала роль, – а в обычной

жизни предпочитала темные и яркие одежды с экзотическими и контрастными узорами.

Вода, разлетаясь из шланга, тоненько сипела, и вечерний сад, благодарно вздыхая, покрывался нежной дымкой рукотворной росы. Вдруг Света, словно почувствовав устремленный на нее взгляд, медленно повернулась к дому и стала вглядываться в окно.

– Леш! Леша! Да ты спишь, что ли? – Маша расстроилась, что ей не удалось затеять разговор о семейных ценностях, и теперь обиженно надула губы. – Может, уже поедем?

– Поедем? – Леша оторвал взгляд от окна и перевел его на Машу. – Да, наверно. Сейчас. – И, коротко поцеловав подружку в нос, быстро встал и вышел. Маша смотрела ему вслед с легким неудовольствием. Какой-то он стал рассеянный...

* * *

Леша хотел выйти в сад, пока Светлана еще там, но в гостиной, через которую лежал его путь, спорили родители.

– Вадим, я никуда не поеду. У меня здесь работа, дети, куча дел, – вполголоса говорила Надя, смотря в сторону с терпеливым выражением человека, твердо знающего, что стоит на своем.

– Надя, но ведь у тебя должны быть выходные, – горячился Вадим.

Леша остановился и в нерешительности взъерошил волосы. Если бы его спросили, на чьей он стороне, он бы затруднился с ответом. С одной стороны, когда мать сбежала из дома, весь уклад мгновенно рухнул, и это, конечно, непорядок. Но с другой... Отец должен был думать о последствиях, когда брал тот неподъемный кредит, да к тому же крутил роман за маминой спиной. Она работала и обеспечивала его столько лет, и, в конце концов, у нее тоже есть свои желания...

– Вадим, не дави на меня. Мне не нужны выходные, здесь же не офис, мы здесь живем. – И Надя с явным облегчением обернулась к вошедшей в гостиную Светлане. – Свет, ты только посмотри! О Вадьке теперь узнают все гламурные львицы города Москвы! Анонс выставки и интервью – в журнале Hola!

Глава 3

Наташа потерянно смотрела в окно. Она уже сбилась со счета, сколько раз позвонила по номеру, который выучила наизусть. Все бесполезно. Макс не отвечал.

* * *

У них все было так хорошо! Высокий, красивый, обходительный Максим появился в Наташиной жизни неожиданно, но ведь так всегда и бывает: долго ищешь свою дверь, стучишь то в одну, то в другую, и вдруг открывается та, о которой и не думала никогда. Знакомство в кафе, среди бела дня, стало началом пути, по которому она побежала стремительно, едва успевая перевести дух и постоянно удивляясь, как радостно и легко может все устроиться, когда в твоей жизни появляется *он*. Тот, кого так долго ждала.

Двух месяцев не прошло, а они уже жили вместе, в небольшой шикарной квартире в самом центре Москвы, которую Макс снял сразу на полгода. Он каждый день встречал ее с работы, и длинные светлые весенние вечера были заполнены любовью, прогулками, посиделками в стильных кафе. Ей казалось, она попала в сказку, – но все, что он делал, выходило так легко и непринужденно, казалось таким естественным,

что грань между девичьей мечтой и реальностью стерлась, как будто ее и не было никогда.

Один раз, правда, нереальность происходящего зашкалила и сбила этот новый радостный ритм, но совсем ненадолго.

Они лежали в постели, только что оторвавшись друг от друга и тяжело дыша. Откинувшийся на грудь подушек Макс, поглаживая длинными пальцами худенькую Наташину спину, спросил:

– Малыш, а ты выйдешь за меня замуж?

Она замерла.

– Ну что ты молчишь? – Он повернулся на бок и, опершись на локоть, принялся с ласковым нажимом перебирать на узенькой спине позвонок за позвонком, спускаясь пальцами под взбитые их страстью складки простыни, прикрывавшие Наташу ниже пояса. Она, решив держать паузу, старалась даже дышать неслышно. Ужасно хотелось немедленно согласиться, но не слишком ли все быстро происходит? А главное, ведь это, может быть, единственное в ее жизни предложение, и оно закончится свадьбой, и потом будет большая, наполненная событиями жизнь, и эту маленькую остановку на пороге этой жизни так хотелось запомнить...

Еще через час изнемогая от его напора Наташа согласилась на все – и замуж, и олет на завтрак, и на вечер в кино.

А месяц спустя он исчез.

Она проснулась в такое же беззаботное утро выходного дня, потянулась всем телом и, перекатившись на спину, цап-

нула с тумбочки новенький «Айфон», подарок Макса. Свадебное платье уже было заказано и оплачено, кольцо тоже, но ей не надоедало снова и снова просматривать картинки, вглядываясь в мельчайшие подробности кружевной, атласной, шелковой роскоши, подбирая и отвергая штрихи и детали, которые должны были сделать их с Максом свадьбу идеальной. Вопрос с гостями пока подвис, но Наташа была решительно настроена познакомиться с семьей и друзьями жениха в самое ближайшее время.

Обычно он приносил ей кофе в постель – на небольшом удобном подносе с ножками, с цветком в маленькой вазе, и от каноничности этого романтического ритуала ей каждый раз становилось невероятно хорошо. Ей очень хотелось этого и сегодня, но минут через двадцать она вдруг осознала, что Макса нет и никаких звуков в квартире нет тоже.

– Макс? Макси-им? – Наташа встала и, не обнаружив у кровати обычно брошенной там рубашки будущего мужа, которую всегда сразу надевала, не заботясь о нижнем белье и не застегивая, растерянно пошла в ванную. Она еще надеялась услышать шум воды – бывало, что Максим застревал в душе надолго. Но там было тихо и пусто. Наташа сняла с крючка тонкий вафельный халат, надела его, нервно крутанула длинные волосы в подобие жгута, перебросила их на спину и крепко обхватила себя руками.

В кухне-гостиной и коридоре тоже не было никаких признаков жизни. Быстро скользнув в спальню, она взяла теле-

фон и набрала его номер. Недоступен.

Еще раз. То же самое.

Выглянула в окно. Машины, которую вчера так удачно удалось припарковать прямо под окном, нет.

Наташа еще с полминуты в задумчивости постояла у кровати и медленно прошла к кухонному уголку, оформленному в элегантном, модном и вызывающе неаппетитном стиле минимализм.

Рядом с кофеваркой лежала небольшая стопка цветных купюр. Машинально пересчитав их (пять тысяч евро) и пошарив глазами вокруг в поисках записки, Наташа во внезапном изнеможении опустилась на стул.

Глава 4

Утро пришло неожиданно хмурое, небо над Кратовом пухло клубилось и недовольно брызгало теплой изморосью. Запланированный пленэр пришлось отменить, и дети – то ли из-за перспективы просидеть весь день в доме, то ли из-за туманной серости за окном – сидели за завтраком мрачные.

Надя специально по случаю непогоды надела яркое персиковое платье и теперь старалась расшевелить компанию, оживленно и ласково обращаясь то к одному, то к другому воспитаннику, предлагая запеканку, мюсли, чай и кофе. Она не разрешала себе сердиться на непонятно почему отсутствующую Свету.

Вообще-то Надя здесь воспитатель и художник, и кормить воспитанников – не ее обязанность. Обычно она будила детей, а Света в восемь утра уже ждала их с завтраком и руководила всем застольным процессом. Наде утром было просто необходимо хоть немного помолчать и спокойно выпить кофе, чтобы настроиться на длинный день, заполненный занятиями, прогулками, разговорами и рисованием. Но сегодня ей пришлось накрывать круглый стол на веранде вместе с детьми. «Ладно, потом обсудим», – подумала она и хотела было хоть ненадолго погрузиться в свои мысли, но ее окликнула худенькая Лиза:

– Надежда Юрьевна, а в этом доме ведь правда есть при-

видение?

Надя аж поперхнулась.

– Лизонька, ну что ты, – она рассмеялась весело, но огромные глаза девочки были прозрачнее обычного – от грусти или страха? Черт знает что такое, ведь ребенок правда нервничает.

Надя нацепила учительскую гримасу и сказала внушительно, глядя прямо в глаза ребенка:

– В этом доме нет никаких привидений.

– А что же тогда каждую ночь шуршит, и стучает, и ходит? Пол в коридоре скрипит по ночам, – возразила Лиза слабым испуганным голосом, нервно теребя кончик русой косы.

– Лизка, ну какие привидения, ты что? – румяная Соня сверкнула круглыми глазами. – Раз Надя Юрьевна говорит, что их нет, значит, нет.

– Вообще в старых домах часто обитают духи, – поправляя очки, сообщил солидный маленький Авенир. – Вот, например, в книге Оскара Уайльда «Кентервильское привидение» рассказано как раз об этом. И я тоже слышу по ночам таинственные звуки. Правда, я их не боюсь.

Лиза уже почти плакала, и хотя другие дети не проявляли признаков паники, Надя решила, что нужно успокоить всех.

– Ребята, я сплю на первом этаже, поэтому не могу уверенно говорить, что у вас, на втором, по ночам тихо. Но я здесь бываю с детских лет и точно знаю, что никаких привидений тут не водится. Скорее всего, дело в самом доме. –

Она убедилась, что ей удалось завладеть вниманием всех детей, и продолжила уверенным и рассудительным учительским тоном: – Дом построен почти сто лет назад, он из дерева. За день он нагревается, а ночью остывает. Это как дыхание, понимаете? Дом – живой организм, в нем всегда есть эти небольшие движения и звуки, просто днем их не слышно, потому что мы сами разговариваем, ходим, что-то делаем. А ночью, в тишине, даже самый слабый шорох кажется более громким и может напугать.

– Да подумаешь, – шмыгнул носом светловолосый Саша. – У меня папка, как выпьет, тоже бродит по ночам. Не безобразничает, просто ходит... Делов-то.

Надя взглянула на мальчика обеспокоенно: «Я и не знала, что он из неблагополучной семьи» – и громко объявила:

– Так, мои дорогие, давайте заканчивать завтрак. Поскольку погода сегодня для пленэра не подходит, мы сейчас будем рисовать в мастерской, а после обеда займемся подготовкой выставки ваших работ.

* * *

Света заглянула в мастерскую, когда занятие было уже в разгаре. На столике в центре стоял несложный натюрморт, юные художники сопели над альбомами, бренчали кисточками в банках с водой и старались как можно осторожнее подхватывать цветную прозрачность акварели.

Надя работала у мольберта над своим пейзажем. Это был хороший пример для детей: показать академическую манеру на материале, уже знакомом им по нескольким выездам на пленэры. Периодически она проходила за спинами воспитанников и что-то советовала.

– Надя? У вас все в порядке?

– У нас – да, – ответила Надя и взглянула на Свету вопросительно.

– Прости, у меня что-то голова разболелась, пришлось таблетки пить. Я пойду займусь обедом.

– Хорошо. Мы пока рисуем, потом будем отбирать работы для выставки. – Надя потянула носом воздух: плывший от подруги аромат парфюма пробудил в ней смутную тревогу. Какой-то странный, тяжелый запах, как будто духи очень старые. Она не помнила, чтобы Света такими душилась.

Дверь закрылась, и след чужеродного запаха развеялся в воздухе просторной мастерской.

– Еще десять минут, ребята, и заканчиваем. Не забудьте подписать свои работы. – Надя произнесла слова, которые тысячи раз слышала, пока сама училась живописи, и в очередной раз подумала, насколько ее новая жизнь отличается от той, в которую она была погружена всего три месяца назад.

От Кратова всего-то пятьдесят километров до ее дома на Плющихе, а ощущения – словно она оказалась на другой планете. Городское и дачное пространства разделялись чем-то

более значимым, чем расстояние. Она не могла бы сказать, в каком месте проходит невидимая линия, за которой московские цвета, звуки, запахи и даже мысли меняются на загородные, но эта граница явно существовала. В детстве, когда время делилось на учебный год и каникулы, Кратово зимой вдруг становилось ужасно далеким. Как ни хотела Надя навестить за городом Светку, которая тогда жила на даче постоянно, устроить это было сложно: требовалось согласие взрослых, их участие в поездке, а соглашались они неохотно. Может быть, эта граница существует только для взрослых?

* * *

С переездом за город Надина жизнь изменилась кардинально. Три месяца назад она приехала к Свете ночью, взвинченная и растерянная, и, переночевав на узкой койке в комнате рядом с кухней, утром вдруг поняла, что возвращаться в Москву ей совсем не обязательно. Там, на Плющихе, остался муж, с которым она прожила двадцать лет, налаженный до мельчайших деталей быт, в котором Надя была главным действующим лицом: и деньги зарабатывала, и дом вела, и сына растила. И вот сын вырос, а все прочее вдруг стало другим, неважным. Муж, который казался таким разумным и преданным, умудрился тайком заложить квартиру, и спасти их дом пришлось, конечно, Наде. Подруга Ленка, с которой были как сестры со студенческих лет, похоже,

стремилась увести ее мужа из семьи. Быт осточертел. Тяжелая болезнь бабушки, похороны, ссора с давно уехавшей за границу матерью – на нее навалилось столько всего, что удивительно, как она еще на ногах держалась.

А стоило приехать в Кратово – и груза как не бывало. Здесь, рядом со Светой, в знакомом и любимом с детства доме, где искусство и знание всегда ценились выше земных благ, она вдруг снова почувствовала себя... человеком. Не идеально выдрессированной, прилежно ходящей по кругу, забывшей свое благородное человеческое происхождение рабочей единицей, а носителем свободной воли. Она сделала все, что положено. Откатала обязательную программу. И очень, очень устала.

Не то чтобы она не любила больше. Они с Вадимом были вместе с детства, это уже не просто любовь – родство. Но где-то произошел перекосяк, и, пока муж спокойно предавался своему не приносящему ни копейки творчеству, Надя, которая когда-то вместе с ним вполне успешно училась в Суриковском институте, тратила себя на прозу каждый день, каждый час, каждую секунду – как будто именно для этого родилась на свет. И все к такому раскладу привыкли. Никто даже не пытался облегчить ее жизнь. Вадим даже этот проклятый кредит потратил не на их семью, а на свекровь! Вот только Лешка сделал выводы и наотрез отказался становиться художником, как отец и дед, – и пошел в юристы.

Надя тогда позвонила Бабаеву, попросила пару отгулов и

провела несколько дней со Светой, в поразительной после Москвы живой тишине дачного поселка, гуляя, читая и просто глядя в окно. Она рассказала подруге все: как жила эти годы, как работала, как пыталась избавиться от kleптомании, как чуть не загремела в тюрьму, украв у своего начальника и почти друга ценную фамильную вещь.

– Надь, ну как в кино. – Света качала головой, пытаясь осознать все, что услышала. – Я одного не пойму: как ты все это пережила?

– Знаешь, мне кажется, я в какой-то момент просто отключила все чувства и конструировала свою жизнь по образцу. Как дети из кубиков собирают. Думала, удастся построить счастье.

– Делай что должно, и будь что будет?

– Ага. Вот прямо этими словами я себя и держала в колее. А сейчас больше не могу. Ведь вся жизнь так пройдет, а на что я ее трачу?

Входя в кабинет Бабаева, Надя была готова уволиться по собственному желанию. Света предложила ей преподавать в пансионе, который работал только летом, и, конечно, лучше бы подошел длительный отпуск – но кто ее отпустит на такой срок? А сил жить как прежде у нее не было. Ничего, в конце концов, можно будет сдать бабушкину квартиру, этого хватит на скромную жизнь, а кредит за машину она как раз погасила.

Но шеф, который относился к Наде с особым пиететом,

предложил другой вариант:

– Надя, я не стану скрывать, что мне ваше желание кажется достаточно странным. Вы много лет проработали в компании, доросли до хорошей должности, и терять эти достижения неразумно, – прокомментировал он, когда Надя описала ему свои новые жизненные планы. – Кроме того, мне нравится с вами работать, вы чуть ли не единственный человек в департаменте, которому я доверяю, как себе. Конечно, отпуск на полгода – это нереально. Но что вы скажете о должности советника? Денег будет поменьше, но вы сможете приезжать пару раз в неделю или вообще изучать документы удаленно. Как думаете?

Она чуть не расплакалась. Прямой и порядочный Бабаев, с его военным прошлым и увлечением историей семьи, казался ей образцом благородства. А она, которой он так верит и о которой старается заботиться, украла дорогую ему вещь... Слава богу, он ничего не узнал!

– Давайте так и сделаем. – Он заторопился, видя, что на всегда спокойную Надю вдруг накатили эмоции. Женских слез ему хватало и вне работы: обе бывшие жены любили звонить ему в любое время дня и ночи и рыдать в трубку, чтобы сыграть на чувстве вины. – Вам нужно отдохнуть, сменить обстановку. Идите, оформляйте отпуск на две недели, а я за это время подготовлю почву для вашего перевода на новую позицию.

Плюсы этого решения она оценила практически сразу:

пансион, хоть и был настоящей отдушиной, денег приносил мало. Карьера оставшегося в Москве Вадима, которого много лет не замечали галеристы, внезапно пошла в гору, и теперь он настойчиво предлагал Наде финансовую помощь. Но за годы брака она настолько не привыкла полагаться на мужа в денежных вопросах, что и сейчас отказывалась. Ей было спокойнее решать все самой.

Начиная с апреля Надежда Юрьевна Невельская, ранее заместитель, а теперь советник директора департамента по управлению рисками крупной страховой компании, приезжала в Москву дважды в неделю и погружалась в офисные дела. Работа с отчетами была ей досконально знакома и, в общем, даже приятна, и она старалась подавлять ощущение собственной инородности в современном офисе на Садовом кольце, которое возникло внезапно и со временем лишь усиливалось.

«В конце концов, – говорила она себе, – в этом переключении из одной реальности в другую есть что-то бодрящее».

* * *

– Надя Юрьевна, а какая у нас будет выставка? А зачем? Юная художница Соня, которую никак не удавалось убедить называть преподавателя полным именем, была самой преданной Надиной поклонницей и заранее одобряла любые идеи. В ее вопросе бурлил искристый, как лимонад, энту-

зиязм, и удержаться от ответной улыбки было совершенно невозможно.

– Выставка у нас будет пока самая простая, – ответила Надя бодрым педагогическим голосом. – Каждый отберет из своей папки лучшие работы, проверит подписи, и мы развесим их на большой стене в проходной комнате. Ваши родители будут смотреть и гордиться.

– А потом? – строго спросил Авенир. – Вы сказали «пока самая простая».

– А потом, когда ваших работ станет больше, мы проведем отбор по жанрам. У нас будут лучший пейзаж, лучший натюрморт, лучшая пленэрная зарисовка и так далее. Порисуем с вами ягоды в саду, траву, какие-то бытовые предметы – и в каждой категории выберем лучшее.

– Получается, это не выставка, а какое-то соревнование, – неодобрительно заметила Лиза.

– Ну а ты как хотела? – горячо вступилась Соня. – Настоящие выставки у взрослых бывают, а мы же еще только учимся!

– Любая сборная выставка – это в некотором роде соревнование, – примирительно заметила Надя. – Зрители приходят и оценивают, какие работы им ближе, какие производят большее впечатление...

– А у вас бывают выставки, Надя Юрьевна? – сияющая Соня не сомневалась в положительном ответе, но Надя вдруг растерялась, и рассудительный Авенир, по привычке по-

правляя очки, опередил ее реплику:

– Надежда Юрьевна просто преподаватель. Выставки бывают у Дмитрия Ивановича, который проводил у нас занятие в прошлую пятницу.

И Надя, коротко кивнув замершей от неловкости Соне, улыбнулась и стала помогать детям убирать за собой. Видимо, это неизбежно: если начинаешь что-то в возрасте за сорок, к вершинам не пробьешься. Но так ли важны какие-то абстрактные высоты и достижения, когда после долгих лет наконец начинаешь делать то, что нравится?

Глава 5

Время после отбоя было любимой и самой драгоценной частью кратовского лета. Детские спальни располагались наверху, поэтому вечерами весь первый этаж, включая веранду с круглым столом, огромную гостиную и небольшую кухню, оставался в распоряжении взрослых. Можно было и гостей принимать, и самим жить в свое удовольствие.

Правда, Света тоже спала на втором этаже. Комната, в которой она выросла, находилась там – поглядывала сверху на сад и калитку широким трехстворчатым окном. Света ничего не стала здесь переделывать, только сложила в коробки и отнесла на пахнущий деревом и пылью высокий чердак свои детские вещички, а освободившиеся полки заставила книгами, натасканными из огромных шкафов с первого этажа. Она жила в Кратове с первых дней жизни до седьмого класса и была привязана к старому дому на подковном уровне, знала каждый сучок в стене, каждую дощечку и кочку в саду. Поэтому и ремонт сделала смелый и яркий: она чувствовала душу этого дома и не боялась поранить ее поверхностными изменениями. Оттого что стены стали разноцветными, на мебели сменилась обивка, а старинные предметы дополнились современными, дом не изменился по сути – только прихорошился.

Для Светы он оставался таким же дающим силы гнездом,

как во времена, когда они со старшим братом Володькой учились в школе по соседству, мама ездила в Москву на спектакли, отец – на лекции, а всем хозяйством заправляла немногословная и энергичная домработница Лидочка. И хотя сейчас в интерьере появилось много новых вещей, Светлана чаще всего общалась с теми, которые знала с детства. Проходя по гостиной, она каждый раз коротко касалась рукой маминого рояля, время определяла по довоенным ходикам, вечерами забиралась с ногами на кожаный диван с высокой деревянной спинкой, который был чуть старше ее отца, и с вечно новым наслаждением ныряла в бесконечные шкафы библиотеки, которую начал собирать еще дед Степан Зарницкий, получивший дом в Кратове за заслуги перед революцией в начале тридцатых.

– Как твоя голова? – обратилась к Свете Надя, сидящая на другом конце огромного старого дивана с кружкой чая. От усталости у нее под глазами залегли тени, с которыми не удавалось справиться даже мягкому свету торшера.

– Ничего, нормально. Слушай, прости, что я пропустила завтрак. Правда было тяжело. Что-то в последние дни навалилось столько всего...

Надя вздохнула, потерла лоб и потребовала:

– Рассказывай.

– Ты устала, не хочу тебя грузить.

– Свет, давай выкладывай. После сегодняшнего дня вапери с девятью архаровцами мне уже ничего не страшно. –

Улыбка вышла скупой, но достаточно теплой, и Света, выдержав небольшую паузу, выдохнула:

– Мне звонила мама и требовала, чтобы я возвращалась к Пьеру в Брюссель.

– Хм, – озадаченно отреагировала Надя. – И что ты об этом думаешь?

– Сложно сказать. Честно говоря, я удивилась, она ведь так редко звонит. У нее же комплекс оперной дивы: «я, мой голос, мой режим, моя внешность, мои концерты». Другие люди ей в принципе не очень интересны. И вдруг такое...

– Может, ей Пьер звонил? – предположила Надя. – Они общаются?

– Общаются иногда... Да, возможно. – Света глубоко вздохнула, передернула плечами и встала с дивана. – Надюш, я хочу немного выпить. Будешь?

– Нет, я лучше чаю. Мне завтра на работу рано выезжать, а, ты знаешь, я тот еще пьяница, от одного бокала болею два дня. – Надя снова сделала глоток из огромной кружки и прикрыла веки, наблюдая сквозь ресницы, как Света достает из буфета бутылку красного вина и бокал, ловко открывает, наливает и делает первый глоток темной, как кровь, но прозрачной жидкости со сложным будоражающим запахом.

– Если Пьер ей звонил, значит, она знает, что он начал процедуру развода. – Света снова глотнула вина. А Надя, мгновенно стряхнувшая сонное оцепенение, уже смотрела на нее во все глаза.

– Да что ты! А когда ты узнала?

– Недавно. Он звонил в «Скайпе». Потом бумаги прислал. Мировое соглашение, все по-честному, без уловок, вполне достойно. – Света уже села обратно на диван, и Надя, глядя на ее профиль, снова поразилась, как подруга в минуты напряжения, задумчивости или грусти похожа на свою блистательно красивую мать. В обычной жизни это сходство почему-то не было так заметно.

Надя потянулась к Светлане и положила легкую руку ей на локоть.

– Светик, моя дорогая... Как это все неприятно...

– Да уж, – та невесело усмехнулась и, залпом опорожнив бокал, встала, чтобы налить еще. – И вот мама решила прочесть мне лекцию о браке, о том, что если я сейчас же не поеду в Брюссель и не вдохну новую жизнь в наш союз с Пьером, то потеряю все. Знаешь, у нее ведь пунктик на безбедной старости. Она же чудом устроила свою, когда умудрилась второй раз выйти замуж и остаться в Вене.

* * *

Этой истории было уже много лет. В начале девяностых в России нелегко пришлось всем, а в семье Зарницких новые бурные времена к тому же совпали с кончиной их домашнего ангела Лидочки. Много лет полагаясь на ее разум и неутомимые руки, Зарницкие не особенно задумывались

над организацией быта. А тут внезапно выяснилось, что Михаил Степанович и Любовь Николаевна умеют только зарабатывать, а покупать, готовить, стирать и убирать – словом, обеспечивать все необходимое для жизни, помимо денег, – им очень трудно. В городе решать бытовые вопросы было чуть легче, да и подросткам детям предстояло готовиться к поступлению. Все говорило за переезд из Кратова в столицу.

Детей перевели в московские школы: Свету – в обычную, а Володю – в специальную, способности к математике у него были выдающиеся. Профессор по-прежнему работал в университете, Любовь Николаевна пела в театре, но спектаклей у нее стало меньше, и возраст заставлял нервничать. А тут еще Михаил Степанович, который в Кратове вел спокойную и размеренную жизнь и благодаря этому много успевал в своей науке, впал в затяжную депрессию, весь увял и осунулся. Его блестящей красавице жене стало казаться, что мир вокруг рушится. Внешность увядает, конкуренция за хорошие партии становится все жестче, домашнее хозяйство, которым она не умела и не любила заниматься, повисло в безвоздушном пространстве: магазины пусты, товары по талонам, убирать и готовить некому, толковой домработницы не найти. Деньги как будто испаряются, хотя число нулей на постоянно меняющихся купюрах растет – но ведь это все нули, фикция! Развод, который стал полной неожиданностью и для детей, и для многочисленных знакомых четы Зарницких, уже почти ничего не добавил к общей картине упадка.

Новый брак с прекрасно говорящим по-русски жителем Вены Паулем Эрке стал для Любви Николаевны спасательным кругом. Она познакомилась с ним на гастролях, легко вскружила интеллигентному европейцу голову и с облегчением перебралась в изящный и респектабельный город Штрауса и Малера. В силу возраста и статуса новоприбывшей оперной певицы главных партий ей уже почти не досталось, но небольшая домашняя слава, несомненный талант и связи нового мужа обеспечили Любви Зарницкой несколько прекрасных лет в венских театрах и многочисленные приглашения на концерты, вечера любителей классической музыки и светские приемы.

Когда дочь Светлана после нескольких непродолжительных романов со странными русскими парнями из богемной среды вышла замуж за Пьера и переехала в Париж, Любовь Николаевна решила, что за ее будущее можно не волноваться. В Европе все стабильнее, чем на родине. Вот и Володя перебрался в Германию, у него карьера, два сына и дочь, милая жена, хороший дом и даже зачем-то собака.

Пошатнувшаяся было жизнь семьи Зарницких, допустив пару сбоев на стыках, перешла на новые рельсы, и Любовь Николаевна радостно сосредоточилась на уходе за собой, интереснее которого для нее в жизни было только искусство. Лишь иногда она замечала дочери, что той стоило бы родить Пьеру детей:

– Я еще в консерватории родила Володю, а через три го-

да – тебя. Хотя уже служила в театре! Брак нужно пестовать, деточка. Дети для него – лучший цемент. А если не хочешь провести всю жизнь на кухне, как Лидочка, нужно уметь блистать и в гостиной.

Но Светлана с Пьером, похоже, не разделяли ее идей об укреплении брака путем рождения наследников. И Любовь Николаевна надеялась, что Светины манеры, эрудиция и сложный флер происхождения из академическо-артистической русской семьи обеспечат дочери неослабевающее уважение и интерес со стороны мужа. К тому же Пьер – человек практичный, он не станет менять свою жизнь без серьезных оснований.

* * *

Надя кивнула, отдавая должное жизнелюбию и практичности Светиной мамы:

– Да, Любовь Николаевна молодец, тут не поспоришь.

– У мамы все снова распланировано и обеспечено, и она в шоке оттого, что я бросила свой европейский проект и переехала сюда. Она, конечно, любит Кратово, но ей не понять, что здесь может быть лучше, чем в Брюсселе...

Светлана слегка расслабилась, крутя в пальцах бокал, и Надя тоже успокоилась: истерики не предвидится, помогать подруге тоже вряд ли придется. Все-таки Светка – настоящий боец.

– А больше всего бесит вот это: «Света, что ты будешь делать в старости?!» Как будто в моем возрасте это самый главный вопрос.

– Ну, главный или нет, но вообще-то нам за сорок уже, – откликнулась Надя. – Наверное, уже стоит волноваться о том, что впереди.

– Вот мама и думает, что если я срочно поеду в Брюссель, то меня ждет светлое будущее. А если останусь – тьма и неопределенность.

– Это Пьер рассказал ей о разводе?

– Вполне может быть. Поэтому она и позвонила. Верит, что еще можно все исправить.

– А ты как считаешь? Можно?

Света искоса взглянула на подругу и осушила бокал.

– В какой-то момент я думала, что вполне. Закончим летний сезон, я туда поеду, все почию... И вернусь в свой Ватерлоо, в шикарный дом, в котором нет счастья, но есть комфорт и гарантии. – Света слегка поежилась. – Но потом позвонил Пьер и стало ясно, что пути назад нет.

– Да ладно, Свет. Может, еще все наладится, – почти механически произнесла Надя.

Усталость навалилась на нее с неумолимой тяжестью. Ужасно хотелось спать.

– Нет, Надь, не наладится. Между нами произошло кое-что. И похоже, его это задело куда больше, чем я думала. Мне вообще кажется, что у Пьера уже есть новая женщина.

К тому же он теперь чиновник в Евросоюзе. А там такие зарплаты и такое внимание ко всяким деталям – дипломаты же. Жена, которая уехала в другую страну, вызывает вопросы... Надо либо жить вместе – а это невозможно, либо разводиться.

– Да что же такое между вами произошло?

– Я ему изменила. – Света внезапно задорно улыбнулась и подмигнула Наде.

– Да ладно? – Даже свинцовая усталость, казалось, отступила от изумления. – Но он же француз, разве для него это проблема?

– О, ты меня недооцениваешь. Во-первых, я изменила так, что об этом узнал его босс...

– Что?!

– Ага. Представь, Пьер внезапно пригласил его на кофе, а на полу в гостиной...

– О боже!! Светка, ты даешь! – Надины глаза округлились от ужаса.

– Пьер начальника быстро вытолкнул. Тот, конечно, сделал вид, что ничего не заметил. Но сама понимаешь. – Света снова осушила бокал. Ее глаза горели, губы потемнели, а на скулах появились лихорадочные пятна румянца. Она поднялась и пошла к столу, чтобы налить еще вина, и, не оборачиваясь, проговорила: – А во-вторых, Филипу, мальчику, с которым меня застукали, едва исполнилось двадцать.

– Нет! Света! – Надя аж задохнулась. – Это же как моему

Лешке...

Света отставила наполненный бокал и обернулась к Наде.

– Прости, дорогая. Я не подумала, что тебя это может задеть... Не принимай близко к сердцу, ладно?

– Постараюсь... Но я в шоке, если честно. Как тебя угораздило с таким молодым, Свет?

– Да как-то само. Он ходил в мой магазин, мы говорили о книгах... Влюбился, стал преследовать... Я не устояла.

Надя опустила голову в растерянности. Надо бы поддержать подругу, но запал веселости неожиданно иссяк. Надя не считала себя ханжой, но некоторые вещи шокировали ее так, что она совершенно теряла способность к коммуникации. И эта ужасная усталость... сил совсем нет. Она взглянула на циферблат старых ходиков, и Света вдруг заметила покрасневшие веки, ослабевшую кожу на шее и общую понурость тонкой Надиной фигуры.

– Слушай, Свет, ты не обидишься, если я пойду? Мы за ourselves, а у меня завтра рабочий день...

– Да без проблем! Иди, ложись. Развод – дело долгое, мы его еще сто раз обсудим. Пока я точно никуда не уезжаю. – И Светлана, чмокнув подругу в щеку, снова взялась за стоящий на столе наполненный бокал.

Глава 6

Утро вторника означало, что воспитанники пансиона сегодня будут заняты на мастер-классе с приглашенным художником из Москвы, а Надя отправляется на работу в свою страховую компанию.

Сегодня она решила не шокировать коллег богемным видом и оделась в привычном деловом стиле: брюки, белая рубашка и балетки. «Надо бы сделать маникюр, а я опять не записалась», – сокрушенно подумала она. Из-за переезда за город некоторые привычные моменты московской жизни выпали из поля ее внимания. Зато сколько появилось других, пусть и утомительных, но таких приятных!

Надя уселась за руль серой Alfa Romeo и несколько секунд прислушивалась к ощущениям: чуть пряный запах салона, ощущение руля под ладонью, холодная гладкость рычага переключения передач, уверенная поддержка спортивного сиденья.

Когда она выбирала себе машину, продавец в салоне – глубоко беременная миловидная женщина лет тридцати, видя Надины сомнения, сказала: «Машина – это эмоциональная покупка. Люди долго подбирают по параметрам, но на самом деле берут только то авто, в которое влюбились». И Надя разрешила себе влюбиться. Игрушка была дороговата для семьи, в которой только она и зарабатывала, – но кредит решил

дело, и Надя ни разу не пожалела, что позволила себе эту машину. Сейчас, когда ездить доводилось не каждый день, удовольствие от вождения стало еще острее. Даже пробки по дороге из Кратова на Курскую и обратно не раздражали.

Надя много лет ездила в тишине, но сейчас, со сменой работы и образа жизни, мозг настоятельно требовал все новой и новой пищи – будто открылся много лет запертый портал. Она попробовала слушать в машине музыку, радио – и в конце концов остановилась на аудиокнигах. Сегодня ее ждал свежий детектив, в котором следователь средних лет разыскивал жестокого убийцу и попутно попадал в разные передряги. У героя, как и положено в нынешней литературе, был роковой недостаток – он сильно пил. Но при этом был интеллигентным человеком и эффективным специалистом. С одной стороны, это немножко бесило – Надя терпеть не могла алкоголиков, считала их распущенными прожигателями жизни. С другой – покойный Надин дед, хоть и не следователь, тоже был именно таким: вежливым и кротким, профессиональным и глубоко несчастным человеком, заливавшим пожар в душе горючими жидкостями. Поэтому следователь все же вызывал симпатию, и книга, несмотря на очень замысловатый сюжет, казалась достоверной. Дорога до офиса пролетела незаметно.

– А где Наташа Набокова? – обратилась Надя к дежурившей за стойкой Алене. Девушки дружили, но было странно, что сотрудница отдела кадров сидела на месте референта департамента.

– Она приболела, кажется. По врачам ходит. А что? – В ярко накрашенных глазах блондинки зажегся хищный огонек, и Надя поняла, что Алена в курсе истории с визиткой исчезнувшего жениха. Наташины походы по врачам в офисе уже даже не обсуждали: это была просто привычка абсолютно здоровой молодой женщины, которой не хватало внимания.

– Нет, ничего, просто удивилась, что ее нет. – И Надя быстро прошла в кабинет, который пока сохраняла за собой. Ее бизнес-дипломы и сертификаты по-прежнему висели в рамках на стенах, и даже коллекция орхидей чувствовала себя неплохо: ванды и фаленопсисы с лепестками, словно вылепленными из полупрозрачного воска нежных оттенков, стойко переносили участвовавшие разлуки с хозяйкой. Надя проверила грунт, опрыскала цветы и, попросив Алenu принести кофе, села к компьютеру.

Сегодня работы было много: из региональных отделений компании пришли планы по предстоящим выплатам. И хотя в многолетней Надиной практике действительно слож-

ных ситуаций с попыткой выманить у страховщиков большие суммы было немного – по пальцам одной руки пересчитать, она каждый раз прилежно и тщательно проверяла все документы по страховым случаям.

Через два часа напряженной работы глаза саднило, будто в них сыпанули горячего песка, и Надя решила сделать перерыв. Чтобы не искать потом в длинном списке, на чем остановилась, она открыла новый кейс – так легче будет включиться в процесс после перерыва. И, бросив беглый взгляд на имя получателя выплаты, ощутила электрический импульс тревоги: «Максим Воронцов». Она не глядя ткнула в кнопку интеркома и произнесла:

– Алена, принесите, пожалуйста, еще кофе. И воды. – И, подавшись всем телом к компьютеру, начала пролистывать дело о страховании объекта строительства в Тверской области.

* * *

Телефон Бабаева не отвечал. Начальник департамента в последние годы часто пропадал в поисковых экспедициях – начав с изучения биографии репрессированного деда, он так увлекся, что теперь все отпуска проводил в региональных архивах или в лесах в компании одетых в камуфляж поисковиков. Новое дело оказалось для него даже важнее личной жизни: когда молодая жена, разочарованная необычным об-

разом жизни своего зрелого и успешного мужа, подала на развод всего через четыре года после свадьбы, он с ней даже не спорил – баба с возу... Хватит, находился уже в упряжке в первом браке, теперь хочется делать то, чего душа просит.

Бабаев мог застрять в лесу дня на три, без связи и интернета, и тогда Наде полагалось принимать решения самой. Правда, пока делать этого ей не приходилось: последнее крупное мошенничество они с Бабаевым накрыли вместе, три года назад. После того случая Надя и стала замом Александра Александровича, и он вполне серьезно называл ее своим боевым соратником – шеф вообще любил военную терминологию. Если бы Надя сейчас была его замом, как прежде, колебаний было бы меньше. Но она всего лишь советник. А кейс не давал покоя. Сумма страховки была огромная: восемьдесят миллионов с хвостиком.

– Алена, скажите, когда Александр Александрович вернется в офис? – Надя разговаривала с интеркомом напряженным, сухим голосом, который не прибавлял ей популярности у сотрудников.

– Он оформил отпуск на десять дней, Надежда Юрьевна, – мгновенно ответила Алена, которая, узнав о разводе Бабаева, не спускала с него глаз и в прямом, и в переносном смысле.

– Очень хорошо. – Металла в Надином голосе прибавилось, и Алена на другом конце провода скорчила интеркому ехидную гримасу.

На самом деле ничего хорошего не было. Кейс выглядел вполне нормальным, но имя... Имя не давало Наде покоя. Она поставила на дело о страховом случае визу «расследовать» и, немного посидев в тишине, набрала еще один номер.

Прохоров снял трубку после первого гудка.

– Павел? Это Надежда Невельская. У меня есть для вас информация.

* * *

В тот вечер Надя добралась до Кратова совершенно обесиленная. После изнурительных колебаний с этим страховым делом, разговоров с Прохоровым и закрытия отчетов пришлось еще ехать по магазинам, чтобы купить необходимые для пансиона материалы и продукты. Когда Вадим позвонил и снова начал рассказывать о подготовке к вернисажу, Надя только хмыкала, охала и ахала – на настоящую реакцию сил не было. Она механически вела машину, мечтая уже закончить разговор, и чуть не отпустила руль, когда Вадим произнес:

– Я пригласил на открытие выставки Марину Юрьевну. Она прилетит накануне.

– Мама?.. – В повисшей паузе Наде показалось, что она не слышит ни звуков машины, ни собственного дыхания, ни пульса. – Когда она прилетает, Вадим? Каким рейсом?

– Дневным из Праги, накануне вернисажа. Всего на три

дня, у нее там работа, она не смогла надолго вырваться.

– И как вы договорились... без меня... – Надин голос задрожал. Она не ожидала от себя такой бури эмоций – пожалуй, этот день оказался слишком богат событиями.

– Надя, не глупи. Она очень хочет видеть и тебя, и Лешку. И конечно, я бы тебе все рассказал – вот и рассказываю, вот прямо сейчас...

Вадим говорил мягко, как только мог. Конечно, жаль, что приходится сообщать Наде такую важную новость по телефону, но тянуть дольше невозможно, до приезда тещи осталось совсем мало времени.

– Да, хорошо. Ты прав. – Надя тряхнула головой и сказала решительно: – Как вы договорились с ней? Ты встречаешь? Где она будет жить?

– Я собирался встречать в аэропорту, а жить Марина хотела где-то у подруги. Кажется, Лариса? Я не запомнил.

– Нет, так не годится. Я поеду встречать. И поселю ее в Сокольниках или в Кратове. Места всем хватит.

– Если Марине будет удобно жить на Плющихе, я с удовольствием. Приезжайте вместе. Лешкина комната пустует, Марина ведь как раз там и жила.

– Спасибо, Вадь. Не хочу тебя беспокоить. Тем более у тебя выставка на носу, а нам с мамой надо о многом поговорить. – Надя уже выехала за МКАД и почувствовала, как город ослабляет хватку на ее горле. – Двадцать лет – не шутка.

– Конечно, Надюша. Я понимаю. Рад, что вы встретитесь

по такому поводу и наконец все сможете обсудить.

– Спасибо, да. И за повод спасибо. – Это прозвучало слегка иронично, но Надя не стала извиняться. К Вадиму наконец пришел успех, который понижает чувствительность к мелким уколам. – Вадь, прости, я устала сегодня очень, давай прощаться? Я уже подъезжаю, сейчас буду разгружаться...

– Конечно, конечно!

Хотя с момента ее переезда за город прошло уже достаточно времени, она до сих пор не привыкла к этому новому Вадиму: сговорчивому, мягкому, предупредительному. Общаться с ним стало гораздо удобнее, чем раньше, но в этой перемене было и что-то несимпатичное. Двадцать лет отстраненности, погруженности в себя, длинных приступов мрачной задумчивости и чуть ли не грубости – и вот, пожалуйста. Стоило уйти из дома – и он мил и нежен, чуть ли не игрив.

«Мне бы радоваться, а я злюсь», – упрекнула себя Надя, останавливая машину перед воротами дома.

* * *

Надя звонила с дороги, но Света не сняла трубку. Может, включила беззвучный режим? Ложится она поздно, и каждый раз, когда уставшая Надя приезжает из Москвы после рабочего дня в своей страховой и вечернего объезда гипер-

маркетов и художественных магазинов, подруги вместе перетаскивают покупки в дом. Сейчас, по их меркам, и вовсе не поздно, но Светка не откликается.

Надя сама открыла ворота, загнала машину в гараж и, с удивлением глянув на светящееся окно гостиной, вошла в дом. Дверь была не заперта. Значит, Света еще не легла, ведь на ночь дверь всегда закрывали на ключ.

– Свет? Света! – Дети, конечно, уже спят, но даже негромкий зов подруга обычно слышала.

Тишина.

На кухне, окна которой не было видно от входа, тоже горел свет. У шкафчика под раковиной валялась пустая бутылка из-под водки – похоже, недорогой, такой марки Надя даже не знала. Но в остальном был полный порядок. Сунув бутылку в ведро, она заглянула в шкаф над раковиной и увидела в сушилке поблескивающую свежeweымытую рюмку. «Да что же происходит, в самом деле?» – Надя быстро поднялась на второй этаж и подошла к спальне Светланы. Оттуда доносился негромкий храп.

«Мужика привела? – предположила Надя, но сразу отмела эту мысль. – Не при детях же».

Преодолевая смущение, смешанное со страхом, Надя просунула голову в неплотно прикрытую дверь и увидела, что полностью одетая Светлана лежит поверх одеяла, широко раскинув руки, и храпит. В комнате сильно пахло перегаром. Надя с отвращением поморщилась:

– Это еще что за номер? Она тут полы водкой мыла, что ли? – Передернув плечами, Надя спустилась вниз, заперла входную дверь и начала готовиться ко сну.

Нет, Светка не могла напиться до отключки, это просто невозможно. Она же не алкоголик. Видимо, просто устала, ну, может, выпила рюмку, чтобы лучше заснуть, и с непривычки ее сморило. Запах, конечно, в комнате ужасный, но, может, она случайно пролила водку, например, на футболку?

«Пойти ее раздеть?» – прикинула Надя, но весь жизненный опыт сразу воспротивился этой мысли. Она с детства знала, что раздевать и укладывать пьяного – дело тяжелое и небезопасное. Пьяный может ударить, его может стошнить, да и переворачивать невменяемого человека, снимать с него одежду – то еще удовольствие. Дед Юрий Иванович, который тихо и горько пил всегда, сколько помнила Надя, проходил через разные стадии падения на глазах у жены, дочери и внучки. И если у Марины периодически возникали порывы «уложить по-человечески», то Галина Дмитриевна была категорична: напился, значит, пусть валяется. Проснется – разберется сам. В последние годы жизни, которая получилась у него совсем короткой, всего-то шестьдесят два года, Юрия Ивановича не раз приносили домой в состоянии полного анабиоза. Приносили, стыдясь и отводя глаза, соседи или коллеги, перед которыми было особенно трудно держать хорошую мину.

Но, открывая дверь людям, заносившим в квартиру бес-

чувственного инженера Семенова, домашние напускали на себя строгий и отстраненный вид. Это умела даже Надя, которая пересеклась с дедом в жизни всего на десять лет. Их отстраненная реакция была максимально удобной для всех: не роняла достоинство участников сцены, не требовала ни от кого эмоциональных вложений. Принесли, положили, спасибо, до свидания. Рыдать, извиняться, показывать слабость – кому бы от этого стало легче? Повинуясь воле Галины Дмитриевны и щадя ее чувства опозоренной и нелюбимой жены, Марина и Надя принимали отчаянное пьянство отца и деда с горьким фатализмом.

У правила «проснется – разберется» был еще один плюс: игнорируя дурно пахнущее существо, храпящее на полу в прихожей, они как будто продолжали вести нормальную жизнь. А дед действительно всегда разбирался сам: просыпался, поднимался и кое-как добирался до ванной, откуда примерно через час появлялся вполне выпрямившийся, чисто выбритый (конечно, электрической бритвой, потому что руки у него дрожали почти постоянно) – и с независимым мрачным видом шел на кухню, чтобы пропустить маленькую перед работой. Щедро облив шею и щеки французским одеколоном из большого, похожего на сосульку флакона с притертой пробкой, Юрий Иванович уходил на службу. Несмотря на тяжелую зависимость, он оставался классным специалистом. Марина пару раз заикнулась о лечении, но Юрий Иванович кодирование или другую наркологическую

помощь отверг категорически, а насильно вылечить пьющего человека, как известно, нельзя.

Надя тихонько заглянула в детские спальни и убедилась, что все кровати заняты мирно сопящими воспитанниками.

«Не буду я ее трогать, – решила Надя. – И детей разбудим, и ей весь сон собою. Пусть отдохнет. Ничего, утром проснется, приведет себя в порядок, и все будет хорошо».

Перетащив покупки в дом, Надя поняла, что в последние дни уместилось какое-то невероятное количество событий – и это даже хорошо. Иначе от новости о приезде мамы она бы, наверно, не спала неделю. Раньше у нее часто случалась бессонница, а в Кратове нужда в снотворном отпала. Потянувшись к лампе, чтобы выключить свет, она взглянула на массивную, сплошь покрытую причудливой резьбой металлическую шкатулку на столике у кровати.

«Забавно получается. Я снова в доме, который обожала с детства, и рядом мамина шкатулка. Кажется, чтобы по-настоящему повзрослеть, нужно научиться возвращаться в прошлое», – подумала она и соскользнула в сон.

Глава 7

Прохоров с удовольствием потянулся, разминая застывшие от бумажной работы мускулы, и улыбнулся. Все же не зря он ввязался в это дело. Будто чувствовал интересный поворот. Выглянув в коридор и убедившись, что у кабинета номер четырнадцать никто не ожидает приема, он аккуратно прикрыл дверь и набрал номер коллеги из Следственного комитета.

– Сергей? Привет, Прохоров беспокоит. Можешь сейчас говорить?

Им потребовалось всего несколько минут, чтобы обсудить ситуацию и определиться с ходом расследования. Месяц назад, когда заплаканная девушка принесла в полицию заявление об исчезновении Максима Воронцова, ее никто не принял всерьез. Гражданка Набокова оказалась достаточно напористой, чтобы заявление у нее приняли: не поленилась выяснить, что по закону инициировать розыск могут не только родственники, но любые люди, которые обеспокоены пропажей. Однако искать Воронцова всерьез никто не собирался.

Ну подумаешь, мужик сбежал. Передумал жениться, не захотел разборок и слился по-тихому, никому не причинив вреда. По статистике, в одной Москве так исчезает порядка десяти тысяч человек в год – просто испаряются, не оставив родным и близким ни адреса, ни телефона. Не звонят и

не пишут, и не находят их потом ни среди живых, ни среди мертвых. Есть ли в этом криминал или нет – навскидку не скажешь. Ведь желание обнулить собственную жизнь время от времени возникает у каждого. Поэтому к таким случаям в полиции относились спокойно.

Но сейчас в деле появился новый интригующий аспект: имя пропавшего совпадало с именем выгодоприобретателя по крупному страховому случаю. Причем компания, в которой Воронцов рассчитывал получить страховую выплату, была местом работы и покинутой невесты Натальи Набоковой, и Надежды Невельской, с которой предприимчивый бизнесмен пытался познакомиться раньше.

– А в чем там страховой случай, Паш? – поинтересовался коллега из Следственного комитета.

– Воронцов в начале года застраховал в тверском областном филиале компании строительство коттеджного поселка, а во второй половине мая вся стройка внезапно сгорела. Причем, судя по фотографиям, остались одни головешки. Страховщики сейчас по своим каналам будут выяснять, как заключался договор и что там на самом деле случилось, а пока приостановили выплату.

– Кто приостановил, регионалы?

– Нет, в центральном офисе, в Москве. К ним этот кейс поступил из Тверской области на контроль, но как полностью готовый к компенсации.

– Интересно, – протянул Сергей. – Слушай, а может быть,

нам присмотреться к гражданке Набоковой?

Прохоров прищурился и сказал:

– Хорошая мысль! Но как это оформить? У нас же только предположения, с таким набором санкцию не получить...

– Да не волнуйся, все сделаем, – усмехнулся Сергей.

– Ну отлично тогда! Давай понаблюдаем пару дней, а потом я ее приглашу побеседовать.

* * *

Вольготно развалившись на диванчике в тихом кафе на углу Тверской и Большой Садовой, Катя Перепелица осмотрела нарядный интерьер со множеством зеркал на колоннах и осталась довольна: заведение нерядовое, культурное. Недаром по соседству с залом Чайковского. Все-таки умеет Наташка выбирать места для встреч.

– Тебе не кажется, что это немного шизофренично – покупать свадебное платье, когда жених куда-то делся? – Наташа надеялась, что знает, каким будет ответ школьной подруги.

– Мне – не кажется. И никому не покажется, особенно если ты никому не будешь рассказывать, что твой Воронцов куда-то слился. Ты что, думаешь отменить? – Катя требовательно уставилась на подругу, которая в нерешительности пожалала острыми плечами. – Даже не думай! Едем, пьем там халявное шампанское, выносим мозг обслуге и вообще по полной программе наслаждаемся процессом!

– Ну okay, хорошо, – покладисто вздохнула Наташа. – Катя, я понимаю, как я тебе осточертела с этим вопросом, но куда он делся, а? Как ты думаешь?

– Я вообще без понятия. Но мне что-то подсказывает, что он жив и здоров.

– Ой, да. – Наташа посмотрела на подругу встревоженно. – Ну конечно, жив. Иначе мы бы уже узнали, правда?

– Ну естественно. Его же ищут. Если что, уже нашли бы. А насчет мотивов... Ну выяснишь, когда он вернется.

– Думаешь, вернется? – Надежда в Наташиных глазах вспыхнула мгновенно.

– Да запросто. Мужуку, прежде чем он женится, просто необходимо побыть в одиночестве, вне зоны контроля. – Катя подмигнула. – Мне, кстати, здорово полегчало, когда я это поняла. Ушел – не гонись, замер – палочкой не тыкай. Будет готов, сам придет. И твой Максим еще тыщу раз успеет вернуться, до свадьбы времени – вагон. Ты, кстати, на его страницу во «ВКонтакте» давно заходила?

– Пять минут назад, – призналась Наташа. – Последний раз был онлайн в тот день, когда пропал.

Охватившее ее на пару минут острое ощущение счастья снова сменилось унынием.

– Ну или просто у тебя будет шикарное платье, которое наденешь в следующий раз, – оптимистично заметила Катя, слизывая взбитые сливки с длинной ложечки, которой размешала кофе. – Если не разжиреешь, конечно. А ты не раз-

жиреешь, потому что ты широко известная ведьма.

– Да, блин, хоть с этим повезло. – Наташа с удовольствием посмотрела на свои худые запястья, и на душе у нее стало полегче.

– Может, у тебя глисты, а? – с надеждой спросила Катя и сложила брови домиком. – Мне вот достаточно посмотреть на тортик, сразу толстею. А ты жрешь, как конь, и все равно тощая.

– Да ну ты что придумываешь! – возмутилась Наташа. – Ты вот сейчас на нас посмотри: я пью черный кофе и воду, а ты и кофе со взбитыми сливками, и торт, и еще мороженое. А потом начинается – глисты, ведьма...

– Ой, слушай, а я тут прочитала, что тощие люди просто совершают много мелких незаметных движений, представь? – Катя плотоядно осматривала кусок шоколадного торта, который, с Наташиной точки зрения, совершенно не представлял гастрономического интереса.

– Это как?

– Ну вот так. Я, предположим, сижу спокойно. А ты качаешь ногой или барабанишь пальцами – и так сжигаешь кучу калорий, просто незаметно. – Катя положила в рот кусочек и с тихим стоном закатила глаза. – Все, что с шоколадом, я готова есть круглосуточно.

– Да наверняка, Кать. – Наташе даже на фоне свалившихся на нее неприятностей было смешно слушать подругу. – Ты только представь, сколько нужно ногой качать, чтобы сжечь

те пару тысяч калорий, которые ты сейчас слопала. Причем это даже не обед, а так, перекус после завтрака.

Катя окинула оценивающим взглядом свое пиршество, сравнила с заказом Наташи, вздохнула и призналась:

– Ну, если совсем честно, мне пофиг. Я слишком люблю поесть.

– Ну и правильно. И между прочим, ты и так отлично выглядишь. И с личной жизнью полный порядок. Тебе вообще совершенно незачем худеть, раз все хорошо, – Наташа говорила вполне искренне, но было видно, что ее мысли уже потихоньку убегают в другом направлении, и Катя привычно переключилась: они с давних пор говорили в основном о Набоковой, а сейчас у нее и правда была экстренная ситуация.

– Так, ну давай не раскисай. Реально, ничего страшного пока не случилось. Давай поищем плюсы, а? Как мы обычно делаем?

Наташа посмотрела на подругу с нежностью. Вот человек! Всегда знает, как поддержать. Катька и выслушает одно и то же сто раз, и все детали обсудит. При этом ей совсем ничего от Наташи не надо, она не завидует и не злорадствует. Да, Катька Перепелица (которая в замужестве зачем-то стала Новиковой, но среди школьных подруг все равно называлась как раньше) – реально самый лучший на свете друг.

– Перепелица, я тебя, конечно, люблю. Но какие тут могут быть плюсы... Вот представь, я просыпаюсь одна. Шарю рукой: где любимый? А его нет. Ну ок, думаю, наверно, в

душ пошел. Листаю фоточки со свадебными платьями... А Макса все нет. При том, что он мне каждый день кофе в постель носил, если только не убегал на работу на рассвете. А тут суббота. И никакого кофе. И я встаю, чтобы его найти, и иду, и ищу... А его нет нигде. – Наташины губы задрожали, пальцы вцепились в остывающую чашку.

– Ну-ну-ну! Дорогая! Давай по порядку. Проснулась где? В хорошей квартире, которую твой Воронцов оплатил на полгода вперед, так?

– Так, – кивнула Наташа.

– Отлично! Самый центр, тебе пешком до работы пять минут, круто же! Это первый плюс. – Катя изо всех сил излучала позитив и старалась передать Наташе свою уверенность в лучшем, хотя и считала, что положение у подруги незавидное. – Второе: телефон у тебя какой?

– Ну какой? Какой мечтала, – Наташа улыбнулась. – Да, «Айфон» последний он мне купил.

– Ну вот видишь! Дальше что у нас? Кольцо.

– Кольцо – вот оно, – с готовностью вытянула руку покинутая невеста, и приличного размера камешек успокаивающе сверкнул мелкими голубоватыми бликами.

– Ну класс! Спасибо тем, кто придумал этот обычай с помолвочными кольцами, – воскликнула Катя. – Вот у меня, например, помолвочного вообще не было!

– У тебя зато есть обручальное! И твой Сереженька никуда не делся, и свадьба у вас была, как у людей, и живете вы

душа в душу уже который год. И по сравнению с этим все мои айфоны, кольца и съемная квартира – полная фигня, – голос Наташи опять задрожал, она отодвинула чашку с кофе и глотнула воды из высокого стакана.

– Зайка, может, все-таки тортика, а? Попробуй, вкусный! – Катя посмотрела на отчаявшуюся подругу с таким теплом, что сердиться на нее за неуместное замечание о кольце было никак невозможно.

– Да иди ты лесом, Перепелица, родная моя. – Наташа отмахнулась узкой кистью и продолжила с каким-то ожесточением: – Ты, слава богу, живешь в законном браке. А я до своего Макса ни дозвониться, ни дописаться не могу. Кать, он меня в «Вотсапе» заблокировал! Ну ты представь? Будущую жену!

Катя молчала, делая вид, что смакует мороженое. С ее точки зрения, все было ясно – никакая ему Наташка не будущая жена. У Макса этого явно поехала крыша, и он слился куда-то, замел следы, и если и появится, то уже сильно позже назначенной даты свадьбы. А может, и совсем не появится. Но сейчас говорить об этом невозможно: у Наташки точно начнется истерика.

– Слушай, ну как минимум мы знаем, что он не женат. Правда же?

– Это правда. У женатых заявление о браке не принимают. – Наташа было повеселела, но тут же озабоченно добавила: – Хотя мы же через «Госуслуги» подавали заявление...

Может, там какой-то сбой?

– Никакого сбоя, Наташк, ты чего? Это же большой брат, у него все как в аптеке! Всяко надежнее, чем просто в загс отнести документы – там-то как раз могут и не знать. Мало ли, вдруг он паспорт потерял и с новым пришел жениться.

– Это как это? Многоженец, что ли? – Если бы Наташе было побольше лет, она схватилась бы за сердце, но в свои двадцать восемь она только еще сильнее побледнела, приблизившись к цвету белоснежных салфеток.

– Никакой не многоженец! – Катя от возмущения даже повысила голос. – Набокова, уймись. Воронцов твой не женат и никогда не был, ты сама рассказывала.

Наташа помолчала и спросила дрогнувшим голосом:

– Кать, как ты думаешь, он вернется? Только честно?

– Честно, Набокова? Я не знаю. И мне пофиг. – От гнева на мужчину, который обидел ее подругу, Катя покраснелась и теперь говорила пылко и с напором, навалившись пышной грудью на каменный столик. – Мне важно, чтобы ты была счастлива. Здесь и сейчас. И по возможности в будущем. А сумеет ли этот веник тебя сделать счастливой, еще пока ясности нет! Так, давай допивай свою воду и поехали мерить платье!

– Да почему веник-то? – Наташа была на грани отчаяния, но сдержать смех не могла все равно. – Нормальный мужик, за что ты его так?

– Да фиг знает, просто подходит ему. Все, идем! – Катя

решительно схватила подругу за тощую руку и потащила к выходу из кафе.

* * *

– Я все время знаешь о чем думаю? – брюзгливо, как-то по-старушечьи говорила Наташа. – Почему он никакой записки не оставил? Не позвонил, не написал...

– Набокова, любовь моя, хватит уже, а? Денег оставил? Целых пять штук евро! Платье оплачено? Вот и радуйся. Вернется – все обсудите. Короче, сменили тему! Совсем не обязательно, чтобы в салоне слышали твои причитания.

Крепкой рукой Катя рванула стеклянную дверь и первой вошла в помещение, которое было призвано символизировать сбывшуюся девичью грезу: сплошные драпировки, множество украшений из хрусталя, стразов и гипса, тихая музыка и разлитый в воздухе тонкий цветочный аромат – впрочем, дорогой и неназойливый. На расположенных вдоль стен длинных кронштейнах топорщились в кондитерском изобилии белые, молочные и цвета шампанского подвенечные наряды в прозрачных чехлах.

– У нас примерка на двенадцать назначена. Наталья Набокова! – решительно проговорила Катя, давая подруге несколько секунд, чтобы опомниться и принять соответствующий случаю вид.

– Конечно, конечно, проходите, пожалуйста, мы вас

ждем, – промурлыкала хорошенькая брюнетка на ресепшен. – Желаете шампанского?

– Обязательно! – Катя с размаху плюхнулась на круглый, обитый темно-розовым атласом диванчик перед невысоким подиумом.

– Момент, я вернусь к вам с напитками, платьем и Эрнестом! – лучезарно улыбнувшись, девушка упорхнула куда-то за кулисы.

Катя обернулась к подруге:

– Что еще за Эрнест?

– Это же их главный стилист, ты что, не видела по телеку? Он часто выступает в шоу на СТС. Макс оплатил личную примерку с ним и разработку образа для свадьбы, – вполголоса объяснила Наташа, к которой начало возвращаться хорошее настроение. В конце концов, действительно пока ничего непоправимого не случилось. Она живет в их с Максом квартире, готовится к свадьбе, а все недоразумения они как-нибудь урегулируют.

– Получаем максимальное удовольствие от процесса, – подмигнула ей с диванчика верная Катя.

Вернувшаяся из-за занавесок брюнетка поставила на низкий столик перед подругами серебряный поднос с двумя высокими бокалами и ведерком, из которого торчало горлышко бутылки, и ловко разлила вино. На лице ее было легкое замешательство:

– Я очень прошу нас извинить, но, кажется, произошла

путаница с размером...

– Какая путаница? – нахмурилась Катя, а Наташа тихо покачнулась, будто вот-вот упадет в обморок.

– Ой, вы не волнуйтесь, пожалуйста! Просто мы посмотрели платье, на котором квитанция на имя Натальи Набоковой, и оно вам, очевидно, не подходит по размеру... – девушка покраснела и посмотрела на Катю так, будто от той зависела ее дальнейшая судьба. – Но вы не волнуйтесь!

– А я и не волнуюсь, – со вкусом расхохоталась Катя. – Невеста у нас – она! Я уже пятый год замужем, я подруга. Ее размер подойдет?

– Ох, конечно, конечно! – Сотрудница салона взмахивала руками, как крыльями, одновременно смеясь и изображая смущение. – Простите, пожалуйста, я перепутала! Сейчас, буквально минуточку! Вы пока угощайтесь, пожалуйста!

Подруги чокнулись и сделали по хорошему глотку шампанского.

– Ох, Набокова, все-таки такая подготовка к свадьбе – это очень круто! Умеешь ты красиво все устраивать!

Наташа горделиво прищурилась, но попыталась включить скромность:

– Ну это все Макс, конечно.

– Все равно, Наташк. Вот мой Сережка как меня балует? Приготовит что-нибудь. Тортик привезет из кондитерской. Ну, цепочку золотую купит, если попрошу. В парк поехать можем. Ну, на море, конечно, – в олинклюзив, но пока даль-

ше Турции не забирались. – Шампанское в Катином бокале быстро убывало. – Свадьба тоже была приличная. Но ничего такого, как у тебя... Нет у нас настоящего шика. Хотя и денег он нормально зарабатывает. Но знаешь, наверно, правду говорят, что бабы бывают разные. Я как Анка-пулеметчица – всегда готова патроны подавать. Мне и достается в жизни что попроще. А ты другая... С тобой мужикам хочется все вот это делать – и шампанское, и бриллианты, и наряды покупать, и в какую-нибудь Ниццу кататься...

– Ой, ладно тебе, Кать. – Наташа порозовела от шампанского и уже была готова иронизировать над своей ситуацией. – Пока ни о какой Ницце речи нет... И вообще, неизвестно, что лучше. Может, тех, кто патроны подносить готов, потому и берут замуж, что с ними хлопот меньше? Хотя кто сказал, что я их подносить не готова?

– Приветствую красавицу-невесту и ее дражайшую подружку в салоне «Бархатный ангел», – раздался мягкий голос, и девушки, обернувшись, увидели тонкую фигуру в тесном ярко-синем костюме-тройке и с темно-розовым, в тон обивке диванчика, платочком в нагрудном кармане. – Давайте же поможем чуду свершиться!

Волосы Эрнеста были аккуратно зачесаны назад и ненатурально блестели, очень ровный тон кожи намекал на искусственное использование косметики. Благоухание его парфюма затмевало ароматы салона, а улыбка, казалось, сияла собственным светом.

– Эрнест, – выдохнула Наташа и, поднявшись с диванчика, протянула звездному стилисту тонкую руку.

Примерка началась.

Глава 8

Прохоров ответил на вызов мобильного и по привычке встал из-за стола, чтобы во время телефонного разговора подойти к окну.

– Сереж, здоров! Спасибо, что перезвонил. Я тут поджидаю гражданку Набокову, вот-вот придет. Есть по ней новости?

– Пока ничего, – отозвался коллега из Следственного комитета. – Набокова регулярно появляется в соцсетях, несколько раз в день звонит Воронцову по известному ей номеру. Его телефон отключен, в аккаунтах никакой активности. В общем, все довольно стандартно. Вот только выяснилось, что Наталья Сергеевна ездила в свадебный салон на примерку платья.

– Да ладно... Серьезно?

– Ага. Со школьной подругой Екатериной Новиковой, в девичестве Перепелицей. Сначала были в кафе на Маяковке, потом отправились в салон под названием «Бархатный ангел». Примерку проводил лично ведущий стилист... – Прохоров услышал шелест перевернутой страницы. – Эрнест Воробьев. Звезда экрана.

– Это что же означает? Она уверена, что свадьба состоится? – хмыкнул Прохоров.

– Похоже на то. Продолжаем наблюдать.

– Хорошо, Сереж, принято. На связи.

И Прохоров, бегло взглянув на часы, уставился в окно. Он был почти уверен, что Набокова совершенно чиста, но логика ее действий от него ускользала. Подать заявление на розыск, обрывать телефон исчезнувшего жениха – и при этом отправиться в салон примерять платье? Неужели все-таки сговор?..

* * *

Для женщины, собравшейся замуж, Наталья Набокова была на удивление мало осведомлена о своем избраннике. Их роман развивался стремительно, как в кино: за какие-то пару месяцев успели и поселиться вместе, и заявление на регистрацию брака подать. При этом невеста не знала ни родных жениха, ни друзей, ни даже места работы.

– Просто, понимаете, – покрываясь пятнами от смущения, объясняла следователю Наташа, – все было так хорошо, что мне и в голову не приходило сомневаться. Я, конечно, спрашивала, одобрят ли наш брак родители Макса, но он только улыбался и говорил, что обязательно одобрят. Мы поедем к ним сразу после свадебного путешествия, познакомимся, и все будет просто отлично.

– Понимаю, – кивнул Прохоров. Он не раз убеждался, что женщины, измученные ожиданием прекрасного принца на белом коне, готовы поверить во что угодно, лишь бы пожить

в сказке. Изворотливый мозг совершал удивительные кульбиты, подбирая аргументы за союз с потенциальным принцем и упорно игнорируя любые, даже самые веские «против». – Скажите, не припомнили ли вы чего-то странного, необычного в поведении Воронцова в последние дни перед исчезновением?

– Вы ведь меня уже спрашивали, Павел Михайлович, – Наташа слегка надула губы. – Я вам все рассказала еще в прошлый раз, абсолютно честно. Все было как обычно. Вы обещали какую-то новую информацию...

– Да, обещал. Мы получили данные, что Максим Викторович Воронцов утром в субботу, двадцать пятого мая две тысячи девятнадцатого года, покинул пределы Российской Федерации. – Он выглядел совершенно расслабленным, но на самом деле тщательно сканировал сидящую перед ним молодую женщину: дыхание, жесты, изменения оттенка кожи. Набокова была явно обескуражена.

– Как покинул? – Ее глаза расширились от удивления, холерные брови сдвинулись к тонкой переносице, а нервно стиснутые худые пальцы побелели на костяшках.

– Его отметила пограничная служба аэропорта Шереметьево, – объяснил Прохоров. – Судя по посадочному талону, гражданин Воронцов проследовал в город Лимасол.

– На Кипр? – Наташин рот между репликами оставался открытым, словно от волнения она забывала его закрывать, закончив фразу.

– Да, это на Кипре.

– А на когда у него обратный билет?

Прохоров посмотрел на Наташу с уважением – воля к победе у девочки явно есть.

– Об этом нам пока не известно. – Он немного помолчал и продолжил вкрадчиво: – Наталья Сергеевна, пожалуйста, постарайтесь что-нибудь вспомнить. Может быть, новая информация станет для вас зацепкой, что-то всплывет в памяти. Максим не обсуждал с вами планы на отпуск? Может быть, вы видели, как он покупает билет на самолет?

Наташа опустила голову, и длинные русые волосы упали на лицо, мешая Прохорову следить за мимикой. Но он не прервал молчания, дожидаясь, пока она вспомнит что-нибудь интересное.

– Примерно за неделю... Было кое-что. Тогда я не придавала значения. Мы подали заявление четырнадцатого мая. А в выходные собирались к моим друзьям на дачу. Но отменили, потому что Макс приехал в пятницу ужасно поздно, усталый, и сказал, что хочет все выходные провести дома. Я просто тогда не подумала, что это может быть важно...

– Откуда он приехал? Что рассказывал? – спросил Прохоров, небрежным жестом прерывая ее оправдания.

– Не знаю откуда... – Она собрала волосы в подобие жгута и перекинула их на грудь, выпрямилась и теперь снова смотрела на Прохорова, но как будто не видела его. – Макс обычно забирал меня с работы, он каждый день приходил или к

офису, или ждал где-нибудь в ресторанчике, или у кино. А в ту пятницу позвонил до обеда и сказал, что ему пришлось срочно уехать по делам из Москвы. Сказал, что встретить не успеет, приедет прямо домой.

– И во сколько он был дома?

– Очень поздно, уже после двенадцати. – Наташа говорила медленно и слегка отстраненно. «Если она играет, то чертовски профессионально», – отметил Прохоров, не отрывающий взгляда от ее ставшего совсем бледным лица.

– Вы спали, когда он приехал?

– Нет, я весь вечер нервничала, звонила ему, он отвечал по громкой связи, и было слышно, что он за рулем.

– Отвечал на все вызовы?

– Сначала он не брал трубку, – сказала она после секундного раздумья. – Наверно, часа два это длилось, я звонила несколько раз. А потом перезвонил.

– И тогда было слышно, что он за рулем?

– Да, точно, – она кивнула. – Он перезвонил и сказал, что уже едет, и попросил, чтобы я ложилась спать. Я пообещала, но не смогла. Лежала в постели, в интернете зависла. Потом он приехал, принял душ, и мы заснули вместе.

– И больше ничего?

– Ничего. – Она чуть помедлила, опять собрала рассыпавшиеся волосы нервной рукой. – В субботу мы встали поздно, ехать никуда не хотелось, провели день дома, потом выбрались погулять... Обычный выходной. – Наташа выдохнула и

виновато посмотрела на следователя, будто извиняясь за то, что так банально провела время.

Прохоров слегка откашлялся:

– И вы его не спрашивали, почему и куда он уехал, что за экстренный случай?

– Я пыталась. Он отмахивался – мол, другу надо было помочь. Что-то у них там такое в лесу, я не вдавалась в подробности.

– В лесу?

– Ну да. Я зашла в ванную, а там стиральная машинка работает. – Наташино лицо снова стало отстраненным, она будто смотрела фильм, который показывали на внутренней поверхности ее сетчатки. – Я удивилась: Макс ее никогда не запускал. Он вообще очень заботливый и готовит отлично, но стиркой занималась я. И тут внезапно... И мои вещи из корзины для белья он в стиралку не положил, только свои. Я спросила, в чем дело... И он ответил, мол, после леса моя одежда вся дымом пропиталась, я ее отдельно решил постирать.

– А какая одежда? – Прохоров напрягся, чтобы не выдать охотничьего ликования: вот оно!

– Джинсы, футболка, толстовка с капюшоном... И кроссовки тоже, он прямо все вместе сунул, я ему потом еще говорила, что так нельзя, кроссовки нужно стирать отдельно... А что, это важно?

– Любая деталь важна, Наталья Сергеевна. Большое спа-

сибо за то, что вы рассказали.

Наташа поерзала на стуле и спросила:

– Значит, на этом все? И что теперь будет?

– Пока все, Наталья Сергеевна. Я буду держать вас в курсе дела.

– Вы ведь узнаете про обратный билет, да?

Прохоров постарался ничем не выдать своего скепсиса:

– Да, конечно. Сделаем запрос в авиакомпанию.

– У нас свадьба должна быть в сентябре. Время еще есть...

Наташа говорила слабым голосом, и Прохорову хотелось взять ее за плечи, встряхнуть и сказать: «Да не будь ты такой курицей, ты себя в зеркале видела? Ты красотка, молодая, неглупая, зачем тебе этот жулик, который от тебя сбежал?»

– Наталья Сергеевна, не расстраивайтесь. Среди погибших человека с такими приметам нет. Значит, он жив, а это главное. Мы все выясним. Если что-то еще вспомните, пожалуйста, дайте мне знать.

Подождав, пока за девушкой закроется дверь, Прохоров отправил короткое сообщение, вздохнул и покачал головой.

Глава 9

Пухленькая Соня азартно жевала бутерброд, и мелкие хлебные крошки белыми мушками приставали к ее атласным щекам.

– Надя Юрьевна! А что вы будете делать, когда мы все уедем?

– Не знаю пока, Сонечка. А ты как думаешь? – рассеянно откликнулась Надя. Она оторвалась от разглядывания утреннего тумана, окутавшего кусты и деревья в старом саду, и глотнула кофе из большой асимметричной кружки.

– Я думаю, вы будете писать картины и делать выставки. – В Сониных глазах светилось такое веселое и яркое обожание, что смотреть на нее без улыбки было совершенно невозможно.

– Выставки бывают только у настоящих художников, – промямлил очкарик Авенир, не отрывая глаз от смартфона.

– А Надя Юрьевна и есть настоящий художник! Что ты вообще понимаешь! – с готовностью завопила Соня.

– Тихо, тихо! Не ссорьтесь! Конечно, Надежда Юрьевна самый настоящий художник. – Светлана искоса глянула на Надю и отобрала у Авенира телефон. – Ешь давай, хватит в экран смотреть.

– У меня там виртуальный тур по Метрополитен-музею! – протестующе заныл мальчик.

– Отлично. Значит, после завтрака мы все вместе сядем в гостиной перед телевизором и посмотрим этот тур, – мягко, но решительно распорядилась Светлана. – Занятий сегодня нет, поэтому сначала у нас будет твоя виртуальная экскурсия, а потом пойдем гулять.

Светлане казалось, что огромный стол, за которым каждое утро собирались маленькие художники, опустел: из девяти воспитанников, живших здесь на пике сезона, к середине августа осталось лишь пятеро. Родители забирали детей пораньше, чтобы успеть свозить их на море или в гости к родным, снарядить к школе и дать заново привыкнуть к городской жизни. Сезон в пансионе оказался короче, чем планировали подруги.

Озабоченно сдвинув брови, Светлана обратилась к Наде:
– Ты когда стартуешь?

– Да уже пора собираться. До Шереметьева ехать часа два. – Надя встала из-за стола и, стараясь не выдавать волнения, приобняла подругу. Почувствовав удушливый запах духов, она напряглась и пристально посмотрела Свете в лицо. Красные глаза, пересохшие губы и опять этот парфюм, от которого Надю почти тошнило. – Свет, ты точно в порядке? Справишься здесь?

– Не говори ерунды, все хорошо.

Открыв сухо скрипнувшую дверцу шкафа, Надя бегло осмотрела свой гардероб и достала прямые голубые джинсы и белую футболку. В своей прежней жизни она пять дней в неделю носила строгие деловые костюмы по фигуре, а в остальное время – джинсы, футболки и толстовки. Переехав в Кратово, Надя вдруг ощутила острую нужду в чем-то легком, развевающимся и не сковывающем движений. Она купила себе несколько простых разноцветных платьев, с которыми так прекрасно смотрелись украшения, которые она тоже начала носить совсем недавно. Но сегодня ей хотелось быть собранной, а значит, платье не подойдет, нужен лаконичный унисекс.

Быстро одевшись, Надя повернулась к зеркалу и замерла, застигнутая потоком обрывочных мыслей. «Как мы встретимся? Сильно ли я изменилась? Наверняка, просто это ведь не замечаешь за собой. Мы же двадцать лет друг друга не видели... Ну, я не растолстела, и то хорошо... А как мама? Я даже не знаю, сохранила ли она фигуру – или, может, расплылась, погрузнела или даже ходит с палочкой... Что за бред, – оборвала она себя. – Какая палочка? Марине всего шестьдесят четыре. Для современных женщин это вообще не возраст. Соседка по даче вон замуж выскочила в семьдесят, за мужчину чуть старше, и прекрасно живут уже кото-

рый год».

Надя подняла тяжелую крышку резной шкатулки, стоящей на столике у кровати, и задумчиво осмотрела утонувшие в бордовом бархатном нутре украшения. Серьги и браслеты, цепи и пояски – пестрая коллекция давно уехавшей за границу Марины – сегодня, в день их первой за много лет встречи, как будто обрели некую самостоятельность. Сейчас Наде казалось, что за каждым предметом в шкатулке кроется особый, неведомый ей смысл и, если она выберет неправильное украшение, мать, перед которой она и так чувствовала себя виноватой, обидится и долгожданная встреча пройдет как-то не так.

Впрочем, как именно она должна пройти, Надя все равно не представляла. Да и Марина, в общем-то, человек легкий, обидеться на выбор сережек – это не в ее стиле. Надя помедлила и наконец, решившись, вытащила из пестрой горы недорогих украшений самый, как ей показалось, нейтральный предмет: узкую черную бисерную ленточку с цветочками и шариками на концах. Она помнила, что мать любила эту вещь и повязывала на шею, когда одевалась так же незатейливо, как сегодня Надя. Будем считать, ей будет приятно увидеть эту плетеную безделушку на дочери.

Еще раз взглянув на себя в зеркале, Надя отметила морщинку, прорезавшую лоб глубже обычного, и быстро пробежала по лицу кончиками пальцев, чувствуя, как кожа расслабляется и разглаживается от легких прикосновений.

Затем взъерошила коротко стриженные светлые волосы и, улыбнувшись себе для настроения, вышла из комнаты.

Доски гаража, плита перед дверью и гравий на дорожке на разные голоса простонали и прохрустели под колесами. Надя, опустив стекло, помахала Свете и детям, высыпавшим ее провожать.

– Надя Юрьевна, мы же еще увидимся? Правда? – Соня сияла глазами, в которых было многовато влажных бликов – похоже, слезы на подходе.

– Конечно, Сонечка! Я приеду сегодня или завтра. Вы даже соскучиться не успеете!

Соня протестующе замотала головой и шмыгнула носом, но Света тут же обняла ее за плечи:

– Счастливо, Надь. Если получится, привози Марину сюда.

Глава 10

Марина летала часто и с удовольствием: она всегда была легкой на подъем, а из Праги да с европейским паспортом было удобно путешествовать куда душа пожелает. В первые три года после переезда она побывала, кажется, во всех уголках Европы, о которых раньше только мечтала.

Но сегодня, входя в гулкий, залитый огнями зал аэропорта, она не чувствовала привычной легкости и душевного подъема. Еще месяц назад, сразу после покупки билета в Москву, она ощутила неприятный комок в груди, и с каждым днем он становился тяжелее и холоднее. Когда нарастающее напряжение стало почти нестерпимым, Марина впервые призналась себе, что ей страшно. Последнюю ночь перед поездкой она провела, лихорадочно перебирая шкафы, в которых и без того был полный порядок, и поминутно теряя вещи, которые лежали прямо перед глазами. Отказавшись от предложенного мужем глотка коньяка, она пожалела, что не держит дома успокоительного, – сейчас пригодилось бы.

Марина машинально проходила привычные контрольные процедуры. Подготовила к досмотру небольшую сумку, заранее сняла шарф и часы, которые все равно заставили бы снять, и даже не забыла вылить воду из маленькой бутылки, которую всегда брала с собой, чтобы наполнить потом в самолете. Но ее лицо напоминало застывшую маску, и ре-

плики, которые симпатичные молодые сотрудники аэропорта адресовали пани, предъявляющей вместе с посадочным талоном чешский паспорт со средневеково сложным гербом, оставались без ответа. Вопреки принятым здесь приличиям, Марина не поддерживала разговор, лишь иногда невпопад кивала. И персонал с привычной, хотя и тщательно скрытой неприязнью констатировал: еще одна русская, которая гражданство получила, а выучить язык так и не удосужилась. У этой пожилой дамы не было ни нелепо нарядной и неудобной обуви, ни яркого макияжа с нарочито темными бровями, ни тщательно подобранной по шаблонам актуальных стилистов одежды с лейблами. Но высокомерное и замкнутое выражение лица выдавало иностранку, пусть и с чешскими документами.

Марина прошла в зал ожидания и уселась, рассеянно глядя на летное поле. Комок страха внутри превратился в камень. Она не видела дочь больше двадцати лет. Обида, разделившая их, была такой огромной и одновременно нелепой, что, казалось, просуществует вечно. И вдруг – это приглашение зятя. А вслед за ним – сообщение от Нади: «Мама, я тебя встречу и размещу. Номер рейса знаю, буду в аэропорту. Удачной дороги. Ждем».

В марте в Москве умерла мать Марины Галина Дмитриевна. Она долго болела, и Марина, гонимая растущим беспокойством, звонила и писала Наде, чтобы узнать, что происходит. Надя долго не откликнулась, а потом внезапно по-

звонила – как оказалось, уже с поминок. Отношения в этом женском треугольнике всегда были сложными, но это все же выходило за все рамки. Марина не смогла ни попрощаться с матерью, ни приехать на похороны. Она впервые за все эти годы по-настоящему обиделась на дочь, хотя раньше в любой ситуации мысленно искала – и неизменно находила – оправдания всем без исключения Надиным поступкам. Дочь как почувствовала, начала сама писать и звонить, но теперь уже Марина не отвечала, чтобы не наговорить лишнего. Потом звонки прекратились. И вдруг ее позвали в Москву.

Она не могла не приехать. За двадцать с лишним лет разлуки Марина привыкла к болезненной напряженности в том месте сердца, где жила любовь к дочери. Она научилась искренне радоваться чужому семейному счастью, заинтересованно беседовать о детях и внуках своих знакомых и не вздрагивать, если вдруг периферийным зрением замечала в прохожих знакомые черты – Надя?! Леша?! Они, конечно, никогда не приезжали в Прагу, но подсознание, настроенное на поиск любимых лиц, упорно отказывалось в это верить. И еще была вероятность встретить дочку и внука в Вене, Берлине, Амстердаме, Париже, Риме – где угодно, сейчас ведь все так много ездят... Часто думая о том, что где-то там, по нынешним меркам не так далеко, живут ее родные, которым она совсем не нужна, Марина уже даже не плакала. Разве что иногда, после возвращения из Москвы, куда она все-таки периодически летала и где могла на несколько часов увидиться

с внуком – всегда под присмотром и только в общественном месте, – она внезапно начинала тихо и отчаянно подвывать и всхлипывать, и тогда муж крепко обнимал ее и молча гладил по голове, пока не наступала безнадежная смиренная тишина.

– Пани, вы летите этим рейсом? – Марина Юрьевна вздрогнула и, благодарно улыбнувшись юной сотруднице пражского аэропорта, поспешила к стойке и дальше, по руку самолета, к своему месту у прохода.

Обменявшись парой слов со стюардами и соседями по ряду – чешский у нее, разумеется, был вполне приличный, – Марина защелкнула пряжку скользкого самолетного ремня и закрыла глаза. Голова слегка кружилась после бессонной ночи, во рту было сухо, и главное – никак не получалось о чем-то целенаправленно думать. Ей просто было страшно. Сжав подлокотник холодными пальцами, Марина принялась глубоко дышать, чтобы успокоиться. Соседка посмотрела на симпатичную седую пани снисходительно – похоже, та боится летать.

* * *

Марина перестала говорить вслух о дочери и внуке, когда поняла, что никогда не сможет врать о них. Почему – она сама не знала. Жестокость, с которой Надя отрезала ее от своей жизни, поразила Марину на каком-то клеточном

уровне. Она никак не ждала, что в дочери так много этой мрачной непримиримости, ледяной решимости резать по живому. Похоже, так проявились бабушкины гены – Галина Дмитриевна всегда гордилась своей так называемой принципиальностью, ради которой не задумываясь жертвовала чужими чувствами, дружбой, покоем в доме и в собственной душе. Она словно питалась негативом и черпала силу в противостоянии всему миру. Но Надя...

Марине казалось, что Надя больше похожа на нее, чем на бабушку. Она с самого Надиного младенчества чувствовала в своем ребенке нежную, поэтическую чувствительность и изо всех сил старалась ничего не запрещать, не давить и не лезть в душу. И вдруг ее хрупкая маленькая Надя одним движением захлопнула дверь перед носом матери и перерезала тот теплый и тихий ручеек, которым питалось Марино сердце.

Виновата была, конечно, не Надя. Дети не бывают виноваты перед родителями – это Марина знала точно, хотя ее саму воспитывали в вечном чувстве вины перед родителями.

– Ты передо мной в долгу неоплатном за то, что я тебя родила! – рычала Галина Дмитриевна, и Марина ненавидела ее в эти минуты так, будто та не подарила ей жизнь, а напротив, отняла.

Она бы и отняла, заставила бы дочь жить «как положено», но Марина сопротивлялась яростно. Несмотря на скандалы, крики и побои, она упрямо делала только то, что счи-

тала нужным. И своей дочери собиралась дать столько свободы, сколько это в принципе возможно.

Марина знала, что не сможет стать для Нади идеальной матерью, но старалась быть хотя бы добрее и легче, чем Галина Дмитриевна. Конечно, об этом никогда не говорилось вслух: Марина ненавидела пафос в любых его проявлениях, а вести нежные разговоры ее не научили. Она проявляла любовь, предоставляя дочери максимальную свободу, уважая ее решения, не унижая контролем, и была уверена, что это отношение ценно и важно и для Нади тоже. И вдруг все кончилось.

«Ты выбросила ребенка с тонущего корабля, которым был твой родовой сценарий», – сказала однажды Марине ее подруга-психолог.

Уцепившись за это объяснение, Марина тогда смогла выкарабкаться из какого-то совсем уж страшного отчаяния и глотнуть кислорода на поверхности обычной жизни. Но в глубине души она сама не верила, что слова подруги были правдой. Оставаясь наедине с собой – а такие мысли доверять особенно некому, тем более в эмиграции, Марина машинально начинала отчитывать себя словами Галины Дмитриевны:

– Циничная гадина, эгоистка, мать-кукушка, бросила дочь в самый ответственный момент, променяла ребенка на «штаны».

В этом изматывающем мысленном споре со своими родо-

выми призраками Марина не могла найти никаких аргументов в свою защиту. А длился он десятилетиями.

* * *

Марина родила дочь еще студенткой, вне брака, и потом два десятилетия прожила под презрительным взглядом матери, которая не скрывала, что считает поступок дочери позорным пятном на репутации семьи. А в возрасте за сорок, когда по всем законам женщине уже пора тихонько сидеть в уголочке и завидовать молодым, Марина снова огорчила мать, внезапно впервые в жизни добравшись до загса.

Подруги считали этот поздний брак выигрышным лотерейным билетом и хвалили Марину за самый практичный и разумный поступок за многие годы. Шутка ли – в таком возрасте выйти замуж и уехать жить в Европу! Да еще на все готовое, муж ведь обеспечит. Но Марина и на этот раз не изменила себе – выбрала мужчину не по уму или расчету, а просто закрутила роман, влюбилась и на внезапно поступившее предложение руки и сердца столь же внезапно и скоропалительно ответила «да».

Всю жизнь яркая, смешливая и нетипично свободная в манерах Марина отделялась от кавалеров, как только они начинали задумываться о серьезных отношениях. Она не связывала судьбу ни с кем – потому что не только желанный для большинства ее ровесниц законный брак, но даже

роман длиннее полугода считала тяжким бременем, посягательством на свободу, символом неизбежной рутины и скучного домашнего труда. Она с удовольствием встречалась с мужчинами, но никого не впускала в тот мир, где они с Надей были вдвоем – легкие, как птички, занятые только тем, что интересно, где проза жизни была поводом пожать плечами, улыбнуться и зачастую пренебречь скучной бытовой задачей, а запах духов перекрывал ароматы кухни.

Взгляды Марины на брак были камнем преткновения в ее отношениях с матерью, Галиной Дмитриевной. Впрочем, не единственным. А вот отец, кажется, вполне был согласен с нестандартными жизненными принципами дочери. Убежденный коммунист, ведущий инженер в известном конструкторском бюро, в семье он занимал позицию безмолвного мученика. По своим глубоко личным причинам Юрий Иванович не считал брачные узы благословением судьбы или гарантией счастья, но аккуратно молчал об этом, чтобы не бесить и без того удушающе придирчивую супругу. Разговоров о том, что «Марине пора прекращать гулять и остепениться», отец не поддерживал, на дочь никогда не давил и даже квартиру ей выбил, чтобы могла жить спокойно, как пожелает, и никого не слушать.

– Я всю жизнь живу с твоей матерью и не хочу такой судьбы для тебя, – сказал он, вручая дочери ключи от трешки на Плющихе.

Как он добился этого, никто в семье так и не узнал – види-

мо, единственный раз в жизни надавил на какие-то кнопки, о существовании которых домашние даже не догадывались.

Галина Дмитриевна обиделась смертельно: то ли на то, что муж своим подарком подорвал ее власть над дочерью и внучкой, то ли на то, что он всю жизнь скрывал свою способность добиваться материальных благ. Но на ее обиды никто уже не обращал внимания. Дурное настроение Галины Дмитриевны все члены семьи терпели, как лужи, грязь или дождь, – молча, поджав губы и твердя себе «ну ничего, ничего, это не навсегда». Хотя это было как раз навсегда.

– И работа у нее непонятная, и жить теперь будет одна, без присмотра, куда только ее кривая вывезет, – осуждающе качала головой Галина Дмитриевна.

Работа у Марины действительно была довольно странная. С одной стороны, в солидном месте – Московский архитектурный институт, с другой, что это за должность – секретарь на кафедре? Чем она там занимается, кроме того, что курит и пьет кофе со студентами и преподавателями и ведет протоколы заседаний? Мать – бухгалтер на заводе, отец – инженер в КБ, а дочь на все расспросы о работе отшучивается: «У нас там здорово, такой уютный садик перед зданием, и напротив – знаменитая на всю Москву пирожковая, прелесть что такое». Марина одевалась в модное и в черное, носила множество недорогих, но неизменно экзотических побрякушек, которые ей таскали богемные приятели из-за границы, постоянно шарахалась по каким-то вернисажам и выставкам.

В какой-то момент Галина Дмитриевна, которая уже достигла пенсионного возраста, всерьез думала забрать к себе Наденьку.

– Ты можешь жить как хочешь, ты уже взрослая, – говорила она Марине. – Но ребенок-то в чем виноват? Хватит уже того, что родилась вне брака. Зачем ей смотреть на твои гулянки? И чему она научится, как потом свою семью будет строить, если растет без отца?

Но Марина, на собственной шкуре испытавшая педагогические приемы Семеновой-старшей, и на этот раз поступила по-своему и девочку не отдала.

– Надя одета, обута, здорова, ходит в сад, у нее полно друзей, игрушек и всего, что нужно. И никаких гулянок она не видит, у нас дома тишь и благодать, – отрезала она.

Только в летние каникулы, когда в обязательном порядке снимали дом за городом, Наденька надолго оставалась с бабушкой – но и тогда Марина как будто незримо была рядом. Галина Дмитриевна отлично помнила, как, впервые оставляя дочку на даче, Марина вдруг схватила ее поверх локтя железными пальцами и страшно прошипела прямо в лицо: «Смотри, если ты ее хоть пальцем тронешь...» И она не тронула. Хотя иногда рука сама тянулась к ремню, но ярость Марины, хоть и прорвавшаяся единственный раз в жизни, навсегда стала для девочки охранной грамотой.

А светленькая маленькая Надя и знать не знала об этих бурях: росла себе, бессознательно и мирно любила и маму,

и бабушку, и деда, покладисто кивала на все наставления, много рисовала, захлеб дружила с соседской девочкой Светой и уже на втором курсе Суриковского (бабушка, конечно, была против творческого вуза, но Марина снова отстояла дочь), однажды явившись домой, заявила:

– Мам, ты знаешь Вадима Невельского. Мы решили пожениться, и теперь он будет жить здесь. Ты ведь не против?

Марина, конечно, была не против. Наоборот, радовалась, что дочь со своим избранником пришла домой: это доказывало, что Марине удалось стать такой матерью, какой не было у нее самой. Матерью, которой не боятся, которой доверяют.

Кроме того, Надя рассказывала ей о торжественном и сложно устроенном быте Невельских, и Марине совсем не хотелось, чтобы ее дочь в столь юном возрасте приспособилась ко всем этим бессмысленным чужим привычкам, к причудам манерной и взбалмошной свекрови, супруги знаменитого художника и лауреата Госпремии. Пусть лучше живут на Плющихе и строят свою жизнь так, как им хочется. Молодые поселились в Надиной комнате, а среднюю, в которой раньше обычно собирались гости, отдали Вадиму под мастерскую.

В глубине души Марина надеялась, что зять органично впишется в их легкую, напрочь лишенную бытовой приземленности обстановку. Ей всегда нравилось, как легко дышалось, творилось и мечталось в их часто неприбранной квар-

тире, в которой запросто могло не оказаться обеда, зато всегда были горы интересных предметов, альбомов по искусству и сколько хочешь свободы. Но вышло иначе. Марина не очень понимала, кто в молодой паре ведущий, а кто ведомый, – но после того, как Вадим поселился на Плющихе, в когда-то богемной и очаровательно безалаберной квартире начал отчетливо сгущаться дух мещанства.

Конечно, оба студента Суриковского института много рисовали, ведь нагрузка в вузе была колоссальная. Но запах масляных красок и растворителя теперь все чаще мешался с ароматами кухни: деловито нахмуренная Надя, подпоясав вокруг тонкой талии холщовый художественный фартук и листая толстую бабушкину поваренную книгу, прилежно осваивала науку домашней заботы. А как самозабвенно дочь теперь бегала по магазинам в поисках чего-нибудь повкуснее, как тщательно мыла полы!

Марине, которая никогда не претендовала на особенное внимание дочери, было жалко не времени, которое Надя отдает хозяйству, – ей было жалко саму Надю. Она наблюдала, как ее девочка становится все скучнее и строже, уступая Вадиму право на творчество, как будто художником в их паре мог быть только кто-то один. Марине казалось, что в лице и звонком голосе дочери начинают проступать ненавистные ей с детства фельдфебельские повадки Галины Дмитриевны. Но, верная себе, она старалась не вмешиваться. Может быть, только чуть чаще стала расспрашивать дочку об ее художе-

ственных делах и чуть настойчивее хвалить необычные полотна, которые Надя, к сожалению, писала все реже. В какой-то момент Марина увидела, с каким раздражением Надя снимает с подрамников холсты со своими «девочками», и испуганно спросила:

– Надюша, ты что? Убираешь их?

– Мам, у меня и на обязательные картины времени нет, а тут это... И новые холсты нужны, у нас же экзамены скоро.

Я купила метражом, сейчас это сниму, Вадька вечером натянет, а эти работы пока суну куда-нибудь.

Марина промолчала, но назавтра по дороге с работы зашла в художественный магазин и купила огромную папку с тесемками, куда и сложила прелестные и яркие работы дочери. И спрятала на антресоль, будто спасая.

На свадьбе дочери Марина была веселой и нарядной, но буквально через неделю после торжества уехала в Питер с любимой подругой Лариской, которая понимала ее с полуслова.

– Отдохнешь, развеешься и перестанешь хоронить свою Надю. И себя заодно. – Лариска трясла пергидрольными кудрями и широко улыбалась, показывая кривоватые, не знавшие брекетов зубы.

Отказаться было невозможно. Да и не хотелось. Несмотря на безупречное воспитание Вадима и собственную готовность принимать все перемены в жизни дочери, Марина теперь на Плющихе чувствовала себя как в гостях. Ей все вре-

мя казалось, что она мешает молодым.

Завязавшийся в призрачном тумане белых ночей роман стал неожиданным, но таким своевременным выходом из семейного тупика. Марина объявила дочери, что наконец встретила мужчину своей жизни, и очень быстро организовала все, что было нужно для отъезда с Сашей в Чехию: и свадьбу, и документы. Она решила, что так будет лучше всем: Надя с Вадимом уже совсем взрослые, им необходимо пожить друг с другом без посторонних глаз. А она устала крутиться как белка в колесе, и годы идут, уже хочется свить собственное гнездо. Даже здорово, что они с Сашей будут жить в Европе, – Прага недалеко, всего-то три часа лету. Дети, а потом и внуки, смогут приезжать часто, как только захотят.

Но Надя, совершенно неожиданно для Марины и ее новоиспеченного положительного мужа, приняла их брак в штыки.

– Ба, я правда не понимаю, неужели она не хочет наконец пожить нормально, как у людей принято, – говорила Надя бабушке, чувствуя, что из глаз вот-вот брызнут слезы. – Ну как так, в ее возрасте – уехать в Питер, закрутить роман, через месяц выйти замуж? Она всю жизнь все делала как хотела. Я надеялась, что хоть с возрастом нормальной станет. Я же весь быт на себя взяла, мою, глажу, готовлю. А она как будто ни при чем. Мне же учиться надо. А если я рожу?

– Она и Родину предала, – твердила со скорбным лицом

бабушка. – Что взять с эгоистки. Всегда такой была! Ничего, Наденька, мы и без нее справимся. Пусть себе. Чем дальше она, тем нам лучше.

И дверь в семейный круг перед Мариной и ее новым мужем захлопнулась накрепко.

* * *

«Внимание, уважаемые пассажиры. Командир корабля включил табло “пристегните ремни”. Наш самолет начинает снижение. Мы планируем совершить посадку в аэропорту Шереметьево города Москвы через двадцать пять минут».

Пассажиры завозились, поднимая спинки кресел, пряча газеты и отключая экраны планшетов. Марина вспомнила, что так и не выпила воды, – но сейчас стюардессы уже заняты приготовлением к посадке, неудобно их отвлекать и просить наполнить бутылку. Ничего, обойдусь. Марина закрыла глаза и начала мысленно перебирать намеченные дела. Завтра – вернисаж у зятя. Насколько она понимает, это его первая выставка за очень много лет. Гостей там ждут к пяти, значит, утром она успеет на кладбище к матери. Слава богу, похоронили почти в центре – новые районы пугали Марину своей удаленностью. Все же двадцать лет жизни в стране, которую можно за пять часов проехать насквозь на машине, здорово сказались на ее представлениях о расстояниях. «Ко всему-то подлец-человек привыкает, – вспомнила она слова

бородатого классика. – Привыкает, да. Сколько Наде сейчас? Сорок два... Бедная моя девочка, сколько же я тебя не видела». Дальше мысли путались. Все равно, пока она не увидит Надю, ничего нельзя планировать.

* * *

Надя припарковала машину на стоянке у аэропорта и, чувствуя болезненное напряжение в каждой мышце тела, зашагала к зданию терминала.

Два часа пути в Шереметьево прошли как в забытьи. Она пыталась сосредоточиться и обдумать предстоящую встречу с матерью, подобрать какие-то правильные, не покаянные, а добрые и искренние слова, но ничего не получалось. Почти восемьдесят километров Надя машинально и уверенно вела машину, но если бы ее спросили, о чем она думает, ответить она бы не смогла. Книжку слушать не получалось тоже, и она включила радио, чего обычно не делала. Приемник оказался очень кстати настроен на какую-то ретроволну – знакомая с молодости музыка успокаивала, беспрепятственно проникая в мозг по накатанным нейронным связям и помогая не думать о сложном.

Одними губами нашептывая обрывки текста из последней песенки («он уехал прочь на ночной электричке, впору б закурить, да промокли все спички»), Надя прошла рамку металлоискателя и направилась к табло.

Рейс из Праги уже приземлился. Сердце пропустило удар.

Шумно втянув воздух, Надя повела закованевшими от стресса плечами и направилась к выходу, откуда лилась разношерстная толпа прилетевших в Москву путешественников.

* * *

К моменту, когда Марина миновала паспортный контроль и вышла в просторный холл, где толпились встречающие, ее голова была пустой и гулкой от напряжения. Машинально передвигаясь, она ни о чем не думала и казалась совершенно потерянной. Но взгляд мгновенно выхватил из толпы родное лицо.

Надя стояла, напряженно замерев, взъерошенная и хрупкая, и ее глаза на худом лице казались совершенно огромными. Стараясь не задохнуться от мгновенно поднявшейся внутри огромной теплой волны, Марина быстро подошла к дочери и крепко обняла ее, зарывшись носом в светлые стриженные волосы.

– Моя девочка...

– Мама, – глухо отозвалась Надя, и ее внезапно забила крупная дрожь.

– Все хорошо, родная. Все очень, очень хорошо. – Марина мерными движениями гладила дочь по спине. – Теперь мы вместе.

– Мамочка, прости, – бормотала Надя, зарывшись в шарф матери. – Прости меня, пожалуйста.

– Надюша, девочка, все хорошо. Я с тобой, я здесь. Никто не виноват. Никто, слышишь? Все хорошо.

Кто-то задел Марину плечом, проходя мимо с тяжелым чемоданом. Нетерпеливо и громко крикнул уставший от перелета ребенок, на которого нервная мать пыталась надеть кофточку. Неизменный шереметьевский извозчик попытался обратиться к Наде с вечным вопросом: «Такси до города не желаете?» Но внутрь кокона, где завершалась их разлука, не проникало ничего. Они, казалось, в этот момент даже дышали каким-то особым воздухом. Наконец-то дышали.

Глава 11

«Как просто это оказалось, – размышляла Марина, любя дочь. – Легко и просто. Будто и не было никогда ничего плохого между нами. Мама и дочка, все так естественно и правильно... А как же я боялась...»

Она потянулась, с наслаждением чувствуя расслабление в плечах и в коленях, оживающих после самолетной скованности.

– Так, и куда же ты меня везешь? – Марина удивилась беззаботному и звонкому звучанию своего голоса.

После встречи в аэропорту у обеих появилось ощущение, как летом после грозы: дочиста промытая, новая легкость, радость и ясность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.